

Олег Колмаков

Злая память

Книга первая: Кавказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Колмаков

**Злая память. Книга
первая. Кавказ**

«Автор»

2018

Колмаков О.

Злая память. Книга первая. Кавказ / О. Колмаков — «Автор»,
2018

ISBN 978-5-532-93976-9

Они учились в одном военном училище, в одной роте. Однако глобальные перемены, связанные с развалом великой Державы раскидали их по разные стороны линии фронта. Теперь они враги: российский офицер и чеченский полевой командир... При оформлении книги было использовано изображение Творческого объединения ФотоОтдел (автор Роман Большаков) Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93976-9

© Колмаков О., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Это было недавно – это было давно	5
С места, в карьер	12
Скоро дембель!	22
Хитрый прапор	27
КПП	32
Мститель	40
Иуда	49
Спирт	55
Боевое крещение	60
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Олег Колмаков

Злая память. Книга первая. Кавказ

Это было недавно – это было давно

Тяжело переваливаясь с боку на бок, машина медленно двигалась по узкой грунтовой дороге. За окнами тяжеловоза открывались все новые и новые пейзажи вековой величественной кавказской природы. Заснеженные горные вершины и бесконечные просторы предгорья – всё это, в буквальном смысле, завораживали. А, кроме того, череда блокпостов; всевозможная военная техника, разбросанная по обочинам дорог и притаившиеся в тени полуразрушенных строений случайные люди, солдаты, офицеры. Подобная картина могла удивить, воодушевить или, напротив, напугать – разве что солдата-новобранца, впервые въехавшего на территорию Чечни.

Для майора Князева, все эти «прелести» Кавказа и «романтика» военной обстановки, были привычны и знакомы. Он даже ловил себя на мысли о том, что вовсе не было двух последних лет его мирной, гражданской жизни; будто ещё вчера, он видел эти горы, и этих военных. Потому и охватили майора все те же (правда, слегка подзабытые) чувства: тоски и гнетущей обречённости. Казалось бы, все его нутро, каждая клетка организма, имевшая хоть какое-то отношение к инстинктам самосохранения, противилась данной, далеко не первой командировке в мятежную республику. Как не обманывай самого себя, а все ж к войне (пусть и за многие годы службы), один чёрт, невозможно привыкнуть. Приспособиться или сжав зубы, на какое-то время смириться – это, пожалуйста. Но только не привыкнуть. Потому как, нормальный человек со здоровой головой никогда не свыкнется с противоестественным, с античеловечным.

Нестандартность данной поездки и, отчасти её абсурдность заключалась, прежде всего, в том, что Валерий поехал на Кавказ добровольно. Тогда как, во все прежние чеченские командировки Князев отправлялся по долгу службы, то есть, не по своей воли. Да, и как, будучи до мозга костей кадровым российским офицером, присягавшим на верность Родине, ты попрёшь супротив приказа. Впрочем, не возникало у майора и мысли о каком-либо отказе. Служба, есть служба; а приказ, есть приказ – и обсуждается он, лишь после его исполнения.

Однако настал и тот самый день, когда служба его окончилась, долг Родине был отдан с лихвой, полный взаиморасчёт с военным ведомством произведён. Казалось бы, живи и радуйся... И, тем не менее, спустя какое-то время наш отставник, успевший давно стать сугубо гражданским лицом, вдруг явился в военкомат. И представьте себе: уже сам, в добровольном порядке инициировал подписание нового, трёхлетнего контракта на службу в самую раскалённую точку России.

Военком Жадаев долго не мог сообразить: чего ж, в конечном счёте, желает его бывший школьный товарищ.

– Валера! Ты, похоже, совсем рехнулся!.. – лишь на третий раз, кое-как разобравшись в нелепой просьбе друга, подполковник вдруг выпучил на Князева свои глаза. – ...Или жить тебе совсем надоело?

– Серёга! На здании вашего военкомата висит огромный яркий плакат с конкретным призывом на сверхсрочную контрактную службу. Интересно, тем ребятам, которые откликнувшись на вышеозначенный призыв, приходят в ваши кабинеты по поводу контрактной службы, ты отвечаешь им в том же духе?.. – усмехнулся майор. – ...Дескать, вы, молодые люди, совсем,

что ли с ума посходили, коль собрались добровольно отправиться в Таджикистан или Ичкерии? Или жить вам надоело?

– Нет!.. – военком чуть поморщил свой нос. – ...Лишь тем, кто мне дорог!

– А остальных, выходит, и на смерть можно послать? Главное план, по контрактникам выполнить!

– Князь, хорош язвить!.. – возмутился Жадаев. – ...Я, понимаешь, с ним по-свойски, по-товарищески!.. А он зубы скалит. Можно те подумать, эту самую войну я развязал, или силком тяну их бумаги подписывать. Тут дело сугубо личное и на сто процентов добровольное.

– Так и у меня, Серёга, сугубо личное! Ты, пойми. Мне позарез нужно туда, где война!.. – для пушей убедительности, Валерий провёл ребром ладони по своему горлу. – ...Во, как надо!

– Так почему сразу в Чечню? Давай здесь, в городской черте!.. К штабу, какому тебя пристрою или определю тебя в школу, преподавателем ОБЖ. А хочешь, возьму тебя к себе в замы? Ты не улыбайся, и в военкомате офицеры служат. Ну, зачем тебе война? К чему лишний риск в нашем-то возрасте?

– Нет, спасибо! Уж к чему-чему, а к архивной пыли у меня стойкая аллергия! Ты пойми, я еду вовсе не за выслугой, не от безделья и не за острыми ощущениями. Мне нужны «боевые». Причём, в большом количестве!.. Сергей, будь человеком, отправь меня в самое «пекло», в самую жопу, на передовую, в штурмовую или там разведроту! Это, в аккурат то, чем я и занимался всю свою сознательную жизнь! Не поверишь, но совсем недавно вдруг выяснилось... Оказывается, ничего другого, кроме как воевать, я делать вовсе не умею. И уж будь уверен, не подведу, не посрамлю родной военкомат!

– Кто б сомневался!.. Знаю, что прошёл ты Крым и Рим!.. – после чего, Жадаев вдруг лукаво подмигнул Валерию. – ...А теперь, Князь, давай-ка, на чистоту. С бабой проблемы?

– Причём здесь бабы? – раздражённо переспросил майор.

– Притом, что им!.. Имею в виду, жён отставных офицеров. С вами, молодыми пенсионерами, просто не соскучится. Проблемы-то у вас у всех, в своём подавляющем большинстве, одинаковые. Вначале, спешите с армией распрощаться, деньки до своего увольнения в запас подсчитываете. Уверены, что на вольных хлебах, вам тут мёдом намазано; что все двери перед вами открыты. Только-только «выслуга» подошла и вы, как один, уже на «лыжах». По обе руки с чемоданами и жилищным сертификатом в зубах. Дескать, нате, принимайте нас, героев! И главное, никто из вас не спросит, не поинтересуется: а ждут ли вас здесь?

Ну, а далее в пост армейской жизни бывшего офицера наступает самый ключевой момент. На авансцену выходят ваши суженные. По началу, те терпеливые и ко всему готовые барышни, кажутся совсем незаметными. Лишь изредка и очень тихо, но весьма настойчиво они принимаются капать вам на мозги, подталкивая бывшего офицера к разрыву с армией. Ну, а потом, когда эти самые «серые мышки» в одночасье теряют привычный им образ жизни. То есть, госжилё, казённую мебель, армейское довольствие, различные пайки, доплаты и прочие льготы... Здесь-то и превращаются они в самых настоящих хищниц!.. Понять их, конечно можно. Перспективы той долгожданной, без армейской жизни казались им настолько радужными и беспроblemными, что встреча с реалиями наших дней, в лучшем случае, свержает наших дам в некую апатию. Да, и кто же потерпит в своём доме, вечно злого и недовольного (хотя, и вполне ещё трудоспособного) тунеядца-отставника с мизерной военной пенсией и вовсе не приспособленного к обычной гражданской жизни? На нём ещё пахать и пахать, а он ни черта не умеет, ни к чему не приспособлен. Не за горами семейные ссоры, нередко перерастающие в затяжные скандалы. Через какое-то время, вполне реально начинает маячить и перспектива развода.

Тут-то и бежит ваш брат, ошипанный и оскорблённый, ко мне. Дескать, спасай военком бывшего боевого офицера. Дай хоть какую сносную и не слишком унижительную работу. Не позволяй сгинуть мне, военному мужику, в пучине бытовых неурядиц. При этом, военком,

не забудь ещё и о том, что мы (как и ты, Валера), кроме как воевать, ничего делать более не умеем. Думаешь, я это только что, прямо сейчас выдумал? Нет, дружище! Подобные судьбы и истории у меня сплошь и рядом!

– Серёга!.. – с грустью покачал головой Князев. – ...А ведь ты, отчасти прав. С Лариской своей я действительно развёлся. Правда, произошло это уже давно. Однако, именно армия и моя служба сыграли в том разрыве не самую последнюю роль.

– В подробности своей истории можешь не углубляться. Повторюсь, ни ты первый, ни ты последний!.. – Жадаев с улыбкой и сочувствием похлопал Князева по плечу. – ...И это мы ни раз, проходили!

– Так ты мне поможешь? – майор пристально уставился в глаза подполковника.

– Уговорил! Так уж и быть, войду в твоё положение. К тому же вакансия, словно под тебя, у нас случайно подвернулась. Служба обещает быть не тяжёлой, но весьма ответственной. Как ты и просил, в зоне боевых действий. А значит, с дополнительными доплатами, то есть, «боевыми». Окрестности Ведено – это и будет местом твоей будущей дислокации. Наверняка ты имеешь кое-какое представление о том районе Чечни.

– Да, уж!.. – усмехнулся Князев. – ...Удружил! Самый юг республики, сплошные горы. Более гадкого места, пожалуй, и не придумаешь.

– Валера, ты сам напросился!

– Так я вовсе и не отказываюсь! Просто, в голове моей не очень-то сочетаются такие противоречивые понятия, как «не тяжёлая служба» и «Ведено»! Не уж-то, и в самом деле, за время моего отсутствия, обстановка в Чечне так разительно изменилась?

– Подполковник Лютый!.. – проигнорировав вопрос, Жадаев продолжил. – ...Будет твоим непосредственным командиром. Это мой бывший сослуживец и отличный мужик. Мы с ним, около пяти лет в Средней Азии душманов гоняли. Потом, его «сослали» на Кавказ, а меня со второй группой инвалидности, сюда, в военкомы. Именно Лютый и просил меня подобрать ему серьёзного, с боевым опытом офицера. Сибиряка. То есть, без каких-либо московских капризов. Абсолютно уверен в том, что лучшей, чем твоя кандидатура, мне, один хрен, не найти.

Именно так, с протекции своего школьного товарища, майор Князев вновь ступил (точнее, въехал) на территорию некогда Чечено-Ингушской республики. Настолько же знакомой, насколько и чужой.

Дорога неуклонно стремилась вверх. И чем медленнее двигалась машина, тем звук её двигателя становился все более и более громким, переходящим на некий надрыв. Под это монотонное жужжание, в голову майора непрерывным потоком струились всевозможные воспоминания. Вне всяких сомнений, ему было о чем вспомнить. Ведь в Чечено-Ингушской республике Князев впервые побывал ещё в августе девяносто первого. Будучи лейтенантом, он входил в группу спец сопровождения высоких чинов Генштаба, инспектировавших Северокавказский военный округ.

Будущий майор прибыл в Грозный под прикрытием, то есть, как сугубо гражданское лицо, накануне августовского путча, и провёл в городе более двух недель. Благодаря своей чёрной шевелюре, недельной небритости и простецкой одежде, ему не составило особого труда затеряться в толпе местных и воочию созерцать, как реагировали жители горной столицы на революционные события, происходящие в Москве.

Первые волнения в Грозном начались уже девятнадцатого числа. Когда по всесоюзным радио- и телеканалам, вместо развлекательных программ, зазвучало «Лебединое озеро», лишь изредка прерываемое заявлением Государственного Комитета по введению в стране чрезвычайного положения. Или проще: ГКЧП. Тогда же, новоявленных комитетчиков, во главе с Янаевым, объявили путчистами, устроившими в стране военный переворот.

В центре Грозного, то там, то тут начали возникать всевозможные митинги. Народ будоражили сообщения, получаемые из Москвы. Возглавляли те стихийные сборища откровенные националисты. Причём, со многими из них Валерию суждено будет встретиться уже через три – четыре года, в самый разгар кавказской войны. Будут они: как по одну сторону баррикад, так и по другую.

Ну, а тогда, в девяносто первом, все будущие лидеры и полевые командиры, в едином душевном порыве оказались вместе. Те самые активисты неорганизованной народной инициативы очень скоро объединяться в Общенациональный Конгресс Чеченских Общин. Быстро поменяются и их лозунги. Буквально на следующий день «переворота», митингующие примутся выражать своё недовольство не только Янаеву и его компании, но и нынешнему главе Чечено-Ингушской Республики Доку Завгаеву. Последний и вовсе будет объявлен предателем чеченского народа. Однако лозунги и крамольные выступления разношёрстных ораторов были тогда лишь «цветочками». Неприятные мурашки пробежали по спине лейтенанта Князева именно тогда, когда он увидел в толпе митингующих вооружённых людей. Эти нохчи были настроены уже серьёзно.

В те же дни Валерий впервые услышал имя Джохара Дудаева.

А вообще-то, уже сейчас, возвращаясь памятью в те далёкие дни, Князев не мог не отметить и того, что вся эта стихийность, творившаяся в Грозном, показалась ему какой-то неестественной. Как будто была она заранее спланированной, организованной и очень хорошо финансово поощрялась.

Один довольно известный специалист в области психологии и человеческого сознания, как-то попытался раскрыть секреты механизма человеческого запоминания. По его мнению, формула памяти достаточно проста и на примитивном уровне выглядит она примерно следующим образом. Вначале, в голове человека происходит восприятие окружающей действительности. Далее, мозг фиксирует полученные ощущения и связывает их с чувственными восприятиями. Так вырабатывается индивидуальный способ поведения, определяющий тактику выживания в тех или иных условиях. У каждого из нас, полученные знания, как собственный накопленный опыт хранятся в так называемой повседневной и долгосрочной памяти.

Долгосрочная память малодоступна. Она срабатывает лишь в исключительных случаях. К примеру, под гипнозом, в процессе всевозможных медитаций, а так же, в состоянии страха, граничащего с всеобъемлющей паникой или иных крайне экстремальных ситуациях. В этих случаях, в сознании вдруг всплывают совершенно забытые мысли и образы. В исключительных случаях, буквально за доли секунд, перед глазами может промелькнуть вся прожитая жизнь, весь многолетний накопленный опыт.

В обыденной жизни, то есть, без какого-либо экстрима и гиперстрессов, человек довольствуется рациональным мышлением, основанном на повседневной или оперативной памяти. Эта самая память имеет свои преимущества, так и скрытые недостатки. Дело в том, что повседневная память, проявляя свой рационализм, со временем, как бы избавляется или самоочищается от всего негативного и малоприятного, откладывая этот чёрный «груз» опыта, на уровне ненужного хлама, в дальний чулан подсознания, в ту самую долгосрочную память. На поверхности «повседневного» остается лишь самое яркое, доброе, светлое. Короче то, о чем всегда приятно вспомнить. Ведь каждый из нас отлично помнит своё счастливое детство, при этом, совершенно забывает о первых синяках и ссадинах, а так же о слезах, с ними связанных.

Быть может, благодаря именно этой универсальной природной защите, люди и не сходят с ума, таская в себе все пережитое, услышанное, увиденное, непременно заикливаясь на бесконечных душевных терзаниях из-за ошибок и просчётах, допущенных при накоплении данного опыта. Отсюда и выражение: дескать, время лечит. Точнее было бы сказать: оперативная память помогает забыть.

Вот и майор Князев, подписывая новый контракт, пожалуй, совсем недооценил гибкость и рациональность своей памяти. За пару лет мирной жизни, он успел подзабыть все мрачное и отвратительное, отождествлённое в лаконичном и ёмком слове: ВОЙНА. Как бы, сами собой стёрлись из его памяти погибшие товарищи, нестерпимая боль ранений, насквозь пропитанная потом одежда и хруст земли на зубах, после очередного взрыва...

Военный «Урал» песочно-зелёного цвета, один из десятка гружёных машин, двигавшихся в единой колонне, медленно приближался к окрестностям Веденского района. Майор приподнялся с насиженного места, размял затёкшие ноги и через узкое смотровое оконце бронированной будки, выглянул на свет Божий. Огляделся и почти сразу его внимание привлёк худощавый мальчишка, одиноко стоявший на обочине дороги и пристально наблюдавший за проходящей мимо него кавалькадой военного транспорта. Был тот десяти – двенадцатилетний пацан, естественно, чеченским отпрыском. Детей славянских национальностей, вы вряд ли здесь встретите, по крайней мере, в ближайшие лет двадцать.

Скорее своим внутренним чутьём, нежели каким-то иным чувством, Князев вдруг уловил во взгляде того юного джигита (наверняка, воспитанного на рассказах и легендах о Шамилях, да Джохарах) несвойственную его возрасту серьёзность и вдумчивость. Да, и стоял он на данном участке дороги, вероятней всего, вовсе не случайно. И, уж точно, не из детского любопытства провожал он каждую военную машину своим сосредоточенным взглядом, будто пытался запомнить и унести с собой, как можно больший объём только-только полученной информации.

Все та же внутренняя интуиция подсказывала майору и то, что ничегошеньки, абсолютно ни черта, за время его отсутствия в головах чеченцев, похоже, так и не изменилось. И вообще, могло ли такое произойти?

Быть может, данный народ не настолько (как, к примеру, их предки) пропитан ненавистью к России, однако каждый из них боится быть непонятым своими же соплеменниками. И в ещё большей степени они опасаются впасть в немилость вожаков-лидеров (читай, полевых командиров) своих тейпов.

По своим прошлым командировкам Князев знал, что днём эти рядовые жители горной республики могут запросто быть вполне миролюбивы и покладисты. Тогда как ночью, эти же послушные и лояльные к федеральным властям люди, с оружием в руках беспрекословно исполнят любой приказ бандитов, или самостоятельно отомстят за смерть одного из своих родственников. Потому как, это местный общепризнанный обычай, если не сказать жёстче – обязательный к исполнению закон. Свой менталитет и жизненный уклад чеченцы пронесли через века, и вряд ли, в ближайшем будущем смогут от него отказаться.

Как бы, между прочим, майор припомнил и весьма показательную историю из своего не самого далёкого прошлого. Приключилась она ещё в первую чеченскую компанию. В один из тёплых, солнечных дней, он и ещё трое офицеров, забыв на какое-то время о войне, непринуждённо гуляли по центру Грозного. Столица Ичкерии на протяжении нескольких месяцев была подконтрольна тогда федеральным войскам, потому и обстановка в городе складывалась довольно мирная. В полуразрушенном Грозном уже начали открываться магазины, парикмахерские, продуктовые рынки. На одном из таких базаров (по военным меркам, достаточно многолюдном) офицеры решили выбрать себе спелый арбуз. Очень хорошо запомнил тогда Князев потное и улыбчивое лицо, сладко лебезившего перед российскими военными торговца бахчевыми культурами. Вот только глаза эти, немного бегавшие из стороны в сторону с коварной хитринкой, уж больно схожие с взглядом нынешнего, стоящего у дороги чеченского подростка, выдавали полное отсутствие искренности. Если не сказать большего: полнейшего презрения к новой власти...

Эх, и до чего же был тот вечер хорош! Тепло, безветренно, легко. Совсем не хотелось верить слухам, все чаще и чаще просачивающиеся в обыденную жизнь о том, что полевые командиры копят вокруг Грозного силы для главного удара.

А уже ночью в городе грянул бой.

То был даже не бой и не штурм, а скорее, массовое истребление славян-федералов. Вот тогда, близ легендарной площади «Минутка», в самый разгар боя, под шквальным автоматным и миномётным огнём, Валерий вновь столкнулся лицом к лицу с тем самым дневным продавцом арбузов. Правда, на сей раз, из-за угла пылавшего синим пламенем дома, выскочил отнюдь не улыбочивый добряк с базарных рядов, а до зубов вооружённый и обезумевший жадой крови получеловек – полу животное. Дикая скотина с тупым звериным оскалом.

Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: быть тогда Князеву «грузом 200», если бы в момент той внезапной встречи, он замешкался хоть на долю секунды.

И это самое лицо продавца-оборотня, как и сотни, а может и тысячи лиц, искажённых немой предсмертной гримасой, навсегда впечатались в долгосрочную Валеркину память. И вот, похоже, эта самая память постепенно начинала «оттаивать», медленно возвращая майора в реалии данного региона.

Чеченского подростка, Князев потерял из виду на очередном крутом повороте. Зато теперь в его поле зрения попала, выглянувшая из-за горного перевала, верхушка мусульманской мечети. Заметив её, майор вспомнил, как накануне отъезда он решил заглянуть в свою православную церковь.

Если честно, то Князев и самому себе вряд ли мог объяснить, зачем ему это было нужно. Вставать ни свет, ни заря; после чего, «пилить» через весь город. И все это ради чего? Чтоб посетить заведение, которое он обычно обходил стороной; куда нога его с роду не ступала. Исключением могло быть разве что святое таинства крещения, да и то, принятого практически в полевых условиях. Скорее всего, майор уже достиг того самого возраста, когда люди обычно мудреют, начинают задумываться о вечном, в том числе и о своей грешной душе. А возможно и был за ним, то есть, за Валерием кое-какой, лишь ему самому известный должок перед Всевышним.

Невзирая на то, что Князев непременно считал себя закоренелым атеистом (не путать с безбожником), иногда оказываясь в затруднительных, а подчас и в безысходных ситуациях; балансируя между жизнью и смертью – он, как и большинство смертных, взывал к небесам, прося о помощи. При этом, Валерий непременно клялся и божился: дескать, если пронесёт его нелёгкая, если и на этот раз он сумеет выкрутиться, то никогда более не посмеет гневить Бога своим авантюрами и безумным риском, что начнёт он новую жизнь с обязательным соблюдением заповедей, постов и регулярным посещением Божьего Храма.

Правда после, когда положение значительно улучшалась, когда майор был вновь в состоянии контролировать ситуацию, Князев тут же забывал о данном самому себе слове.

Ну, а в то самое утро, Валера всё ж решился начать с малого. То есть, сделать первый шаг к исполнению своих прежних бесчисленных клятв.

Он долго не решался войти внутрь. Все стоял и стоял у церковных ворот, наблюдал за прихожанами, пытаясь подметить хоть что-то, для себя полезное. Стыдно признаться, но Валерий, крещённый во время первой боевой командировки, и все последующие за ней годы носивший на груди серебряный крестик на одной цепочки с личным медальоном, так и не знал, как толком должен вести себя православный.

Многолюдность и яркость святых образов, да и сама внутренняя обстановка Храма, произвела на Князева определённое впечатление. Именно здесь, среди верующих соотечественников, пожалуй, впервые в жизни, он и ощутил свою связь, то есть, свою причастность к вели-

кому славянскому роду, которому свойственен дух смирения, терпения и безумной надежды, пусть и на очень далёкое, а всё же светлое будущее.

Не в характере майора было о чем-то просить, тем более, за самого себя. Но, коль искал он в это утро какую-то внутреннюю поддержку, душевное равновесие или некую жизненную опору – ему следовало, хоть чуть-чуть, да поступиться своими принципами.

Взывать Всевышнего о возврате былого, о воскрешении погибших и, вообще, о чем-то нереальном, казалось ему глупо. Тогда как обратиться к Господу за силами, дабы ещё разок, окунувшись в ад войны, прожить чуть больше ему предопределённого – вот это, по разумению офицера, было вполне уместно и своевременное...

Вернувшись домой, Валерий задёрнул на окнах плотные занавески. Включил тихую музыку и решил весьма и весьма скромно отметить свой отъезд на чужбину. Скромно, то есть, без приглашённых гостей, в полном одиночестве. А что, собственно, ему ещё оставалось делать. Вещи, сумки и все самое необходимое, было давно собрано и упаковано. Билеты с оформленными документами лежали в кармане. А до отбытия, ещё целые сутки. Так почему бы и не позволить себе (возможно, в последний раз) избыточную дозу алкоголя. Человек, сам по себе – это и есть бесконечная борьба святого и грешного. И если утром в Князеве преобладало первое; то после обеда пришло время отдать должное и второму...

Пил медленно, дабы погружаться в нирвану постепенно. В последние часы гражданской жизни ему хотелось забыться и отключиться от всего внешнего, почувствовав в своём сознании полную пустоту, некий умиротворяющий вакуум. И, тем не менее, мозг его предательски продолжал размышлять всё над теми же самыми вопросами, заданными самому себе ещё утром. Правда, уже в ином душевном состоянии.

Ближе к вечеру, когда за окном совсем стемнело, майор открыл балкон, дабы проветрить прокуренную комнату, а заодно и самому немного пропитаться свежим воздухом. Вернувшись на своё прежнее место, Валерий машинально оглянулся на открытую балконную дверь. Тут-то и замер он в немом оцепенении. Там, за стеклом, отделявшим квартиру от улицы, на него смотрел чеченский боевик с окровавленной башкой. Закрыв на секунду глаза, Князев вновь глянул за стекло. На сей раз, за окном была лишь темнота вечерних сумерек.

«Что, суки, соскучились?.. Тяжко вам, твари, без меня?.. – офицер расплылся в безумной ухмылке. – ...Скоро!.. Очень скоро я доберусь до вас, падлы!..»

К слову сказать. После первых боевых командировок, визиты мёртвых врагов или погибших товарищей, как и иные видения, вперемишку с кошмарными снами (в особенности после злоупотребления спиртным), стали для майора обычным делом. Они уж давно успели превратиться в неотъемлемую часть его жизни. Валерий принимал их как должное. Да и сами видения, похоже, давно успели смириться с майором, потому как со временем они стали менее агрессивны и назойливы. Более того, жутковатые сновидения уж вовсе не пугали Валерия. Ну, разве что, слегка раздражали его своими внезапными появлениями...

С места, в карьер

Объединённой группировкой федеральных войск, базировавшихся под Ведено, где майору Князеву и предстояло провести ближайшие три года, командовал «легендарный» подполковник Лютый.

Почему «легендарный»? Да ещё и в кавычках.

Дело в том, что нынешней «ссылкой» на Северный Кавказ, длившейся уже более пяти лет, Лютый был во многом обязан своим прежним весёлым похождениям. Именно о них, в непринуждённой беседе за «рюмкой чая», и поведал Валерию военком Жадаев.

Не открою большого секрета, если скажу о том, что пьют российские офицеры, если не все, то многие. Однако попадают на этом неблагодарном занятии, как правило, единицы. Причём, попавшись лишь однажды, «чёрная метка» неблагонадёжного офицера приклеивается к военному служащему едва ли не на всю последующую жизнь, о ней тебе непременно напомнят при любом удобном случае.

К этой самой категории «вечно залётных», без каких-либо сомнений, можно было отнести и Лютого. Уж тут не отнять, любил нынешний Веденский командир в своё время погусарить. И не просто гульнуть, а так, чтоб земля содрогнулась. Чтоб о его русской широкой душе знала не только вся округа, но и командующие округов, в которых Лютый на тот момент проходил службу.

«Не поверишь!.. – бывало, оправдывался перед сослуживцами будущий подполковник. – ...Но бывает так, что попадает мне под хвост вожжа!.. И уж тут меня не удержать!..»

И действительно, влетал Лютый с регулярным постоянством. И как назло или, как правило, в самые ответственные и неподходящие моменты.

Правда, вся эта эпопея, связанная с гусарскими кутежами и иными похождениями бесшабашного офицера давным-давно окончилась. Прежняя веселуха осталась там, в мирном, до чеченском времени. Среди офицеров южной группы войск какое-то время и блуждал слух, будто бы лет пять назад, сам Министр обороны (дабы не потерять командира от Бога) лично возил Лютого к одному из известных столичных наркологов.

Так это было или иначе, история умалчивает. Однако то, что в Чечне подполковник остепенился, и грешков по части злоупотребления спиртным за ним более не наблюдалось, являлось фактом неопровержимым. Меж тем, былая слава гуляки и кутилы так и продолжала тянуться за подполковником, и по сей день.

Впрочем, в офицерской среде Лютый был известен не только своим гусарством, успел он так же отличиться и на служебном поприще. О его ратных подвигах; успехах в локальных сражениях и серьёзных боевых операциях знали многие. Ну, а благодаря своему умению тактически и стратегически грамотно распределить силы, вверенной ему группировки, он уберёт, пожалуй, не одну сотню жизней личного состава. То есть, обычных российских парней. Видимо не зря говорят, мол, неординарные личности неординарны во всем.

Кроме того, в боевых условиях подполковник успел ещё, и «отметиться» своей неуступчивостью во взаимоотношениях с нынешним генералитетом. Вопреки всему, Лютый горой стоял за каждого из своих солдат и офицеров. Что всегда вызывало у подчинённых определённое уважение. Потому и прозвали подполковника за глаза: «батей».

Так или иначе, но исполняя свои служебные обязанности, подполковник вовсе не гнался за служебной карьерой, не пытался угодить командованию. В первую очередь, он думал о выполнении поставленных перед ним задач, а так же, о рядовом солдате, на которого, собственно, и ложились основные тяготы и лишения военной службы. Опять же, хорошие взаимоотношения с Министром обороны, потому и мог позволить себе Лютый нечто лишнее... В

общем, на протяжении всей своей службы на Кавказе, полковник так и не сумел найти общего языка ни с одним из своих непосредственных командиров. По видимому, именно из-за этого и сложилось о нём в военных верхах общее мнение, как о командире, исполняющим приказы «наперекосяк», «по своему усмотрению» или «шиворот навыворот». Однако в целом, с поставленными задачами подразделение Лютого все же справлялось. Собственно именно это обстоятельство, и спасало подполковника от всевозможных взысканий, наказаний, лишений и тому подобного.

Учитывая вышеизложенное, а так же заканчивая разговор о всевозможных прозвищах Лютого, обязательно следует отметить и то, что кроме «батя» и «легендарный», к подполковнику намертво прилипло и ещё одно словосочетание. Коллеги и подчинённые в шутку величали командира «вечным подполковником». «Вечным», не в смысле бессмертным. Хотя и это имело здесь место, потому как за пять лет тяжелейших боевых действий, Лютый не только, ни разу не был серьёзно ранен, его и вскользь не коснулись ни вражеская пуля, ни осколок снаряда... Тем не менее, «вечным» он стал по совершенно иной причине.

Существовало стойкое убеждение, будто бы, очередное воинское звание, по причине прошлого «груза залётов», а заодно и нынешнего несколько своеобразного исполнения приказов – при всём к нему уважении, ну никак командиру не светило. Пусть и с сочувствием, но это знали и понимали уже все: от рядового, до Главнокомандующего.

Что же касается фамилии... Если не брать в расчёт глубокого шрама на правой щеке подполковника (кстати, полученного ещё в мирное время), то и внешне, и по своим человеческим качествам Лютый был полным антиподом своей суровой фамилии. С коллегами-офицерами, подполковник почти всегда был прост, открыт и не лишён чувства юмора. В отличие от многих иных командиров, в своих подчинённых, Лютый прежде всего видел единомышленников, людей выполняющих одну общую задачу. И только потом, они были для него подчинённые, военнослужащие ниже рангом, либо званием.

Вместе с тем, прилагательное «Лютый» в фамилии российского командира – нет-нет, да и наводило на противника определённый трепет. Ведь тот, кто не знал подполковника лично, воспринимал и ассоциировал командира, с нечто жестоким и ужасным, едва ли не с шайтаном...

– Здравия желаю! Майор Князев прибыл для прохождения службы во вверенную вам объединённую группировку войск! – на всякий случай, вытянувшись по стойке «смирно», отпартовал с порога Валерий.

– Так заходи, коль прибыл!.. – встречая в своём рабочем кабинете нового офицера, Лютый вышел из-за массивного стола, который делал его, и без того невысокого ростом мужчину, ещё ниже. – ...Майор, будь проще!.. Здесь тебе не плац Кремлёвского полка. А я, вовсе не Верховный главнокомандующий, принимающий тот парад!.. – после чего, подполковник протянул вошедшему руку. – ...Ну, здорово, Князев! Значит, вместе будем теперь рубежи России защищать! Документы на тебя ещё вчера в штаб доставили. Потому и успел я с ними ознакомиться.

Скажу прямо: впечатляет. Личное дело, должен сказать, у тебя просто безупречное. Да, и Серёга... Имею в виду, вашего военкома Жадаева. Уж точно не стал бы раздавать свои рекомендации кому ни попадя. А ведь поначалу с большим подозрением я отнёсся к твоему назначению!.. – Лютый глянул на Валерия тяжёлым и испытывающим взглядом.

– Не понял!.. – майор и не думал скрывать своего удивления. – ...Товарищ подполковник, ведь вы сами сказали: дескать, бумаги и характеристики в полном порядке!

– Именно это обстоятельство, меня и смутило. Уж больно в них было все гладко и положительно!.. – тяжело вздохнув, покачал головой подполковник. – ...Ну, сам посуди. Мужик:

от звонка, до звонка прошёл две войны. Участвовал в бесконечном множестве серьёзных, боевых операций, и при всем при этом, ни единого взыскания!..

– Каюсь, не безгрешен!.. – усмехнулся Князев. – ...За пять лет войны всякое было. Да только огрехи мои, вероятней всего, с лихвой перекрывались чем-то иным. Потому и оставались они, как бы незамеченными.

– Ты, Князев, не оправдывайся! Характеристики – это бумага. Она всё стерпит. Вот только я привык быть предельно осторожным. С самого начала мне показался подозрительным тот факт, что офицер спецназа, да ещё и с таким послужным списком, вдруг решил перебраться в обычную воинскую часть. Считаю, в пехоту. Причём, в добровольном порядке.

Твое бывшее подразделение – это элита, белая кость. Вы и за людей-то нас не считаете. Да, собственно, и куда нам до ваших супер бойцов. У вас сплошь кадровые офицеры; годами сложившиеся традиции; свой особый менталитет. А у нас совершенно иной контингент и совсем уж простенькая специфика. Тут-то мне и подумалось: а не конь, ли ты троянский? Ни засланный ли казачок? Может, копать под меня кто-то начал, по серьёзному?

– Коль возникло беспокойство, выходит, есть за что! – майор хитро подмигнул подполковнику.

– При особом желании, под любого из нас можно «наковырять» увесистую папку компромата. А учитывая то обстоятельство, что «врагов», не брезгующих мелкими пакостями у меня предостаточно, как пить дать, загнобил бы я тебя, Князев, на каком-нибудь дальнем блокпосту, в самой дыре, в самой жопе!.. Невзирая на долгую службу с Жадаевым, на его рекомендации. Знаешь ли, своя рубаха ближе к телу. Однако служит у нас один, хорошо знающий тебя человек. Он-то и развеял все мои напрасные сомнения и прочие предрассудки.

– О ком идёт речь? – искренне удивился Князев.

– В процессе службы узнаешь!.. – на сей раз, уже Лютый нашёл повод для лукавой улыбки. – ...Сейчас не время для поиска общих знакомых. Давай-ка, мы перейдём сразу к делу!.. – подполковник вернулся к своему столу и жестом подозвал Валерия. – ...Смотри сюда, майор!.. – тыльной стороной карандаша Лютый обвёл на карте приличную территорию. – ...Вот это – наша «земля»! Здесь у нас, как будто бы, всё в порядке. Однако в восьми километрах от основной группы войск, располагаются ещё и приписанные к нам склады Минобороны. Склады эти, скажу тебе честно, мой извечный и самый больной «гемор». Никогда там не было ни дисциплины, ни порядка... Считаю, подошли мы к самому главному. Именно на тебя я и планировал возложить эту ответственную задачу: разобраться на месте, что там и к чему. Ну, а после, навести на объекте надлежащий порядок. Мужик ты грамотный и опытный, потому я и уверен в том, что всё у тебя получится.

Итак, в твоём подчинении, караульный взвод. Лейтенант Побилат будет твоим замом. В данный момент, именно он отвечает за безопасность периметра вышеозначенного объекта. В определённой мере, ты можешь рассчитывать и на старшего прапорщика, «хозяина» того внутри складского хозяйства.

Я и сам понимаю, что для охраны столь серьёзного, в стратегическом плане объекта, людей явно недостаточно. Караульную службу на тех складах, должна нести, как минимум, рота. Но тут, брат, извиняйте... У меня, и без того, с личным составом серьёзные напряги. И главное, без каких-либо перспектив на улучшение ситуации.

Представляешь, на днях услышал: будто бы, наши военачальники вот-вот приступят к очередному «разоружению». То есть, к сокращению численности наших подразделений на Северном Кавказе. Подчас у меня и вовсе складывается ощущение, будто бы наши генералы, в своих штабах и кабинетах воюют на стороне чеченских бандитов. Сам посуди. Как только это басурманское отрепье силы свои начинает копить и, соответственно, на время затихает – так наши, вместо того, чтоб укрепить завоёванные плацдармы, напротив, эти самые силы из республики выводит. Эткими темпами, через пару месяцев, мы с тобой Князев, лишь вдвоём и

останемся Ведено прикрывать. Тут я, конечно, утрирую и надеюсь, что не дойдёт дело до подобного абсурда. Впрочем, грех мне жаловаться. Как не крути, а обстановка в нашем районе (тьфу, тьфу) стабильная. Транспорт уже всю разъезжает без боевого сопровождения. Вокруг война, подрывы, перестрелки, бесконечные локальные бои, тогда как нашу территорию (уж и не знаю почему) Бог милует, бандиты предпочитают обходить данный район стороной.

Так что, друг мой Князев, особых хлопот по части внезапных налётов у тебя не предвидется. А если и появятся какие-либо предпосылки на серьёзную угрозу, так не стесняйся, труби в штаб. Ты у нас под боком, в каких-то пяти-семи минутах езды. Всегда поможем: как огнём, так и живой силой.

Однако и ты не обессудь. Время от времени, будем подключать тебя к нашим боевым операциям. Твой былой опыт нам, безусловно, пригодится. Таких как ты, ветеранов – у меня раз-два и обчёлся...

Лютый говорил отрывистыми фразами, вполне доходчиво. Чувствовалось, что ситуацией подполковник владеет и удерживает её под оперативным контролем. И, тем не менее, Валерия не покидали какие-то смутные сомнения. Об этом, при первой же представившейся возможности, он не упустил случая заявить.

– Командир, как-то подозрительно просто, у тебя всё получается? По-моему, так легко здесь никогда не было. И верней всего, вряд ли будет...

– Эх, майор!.. – сделав небольшую паузу, тяжело вздохнул Лютый. – ...Твоя правда! Это на наших картах, в рапортах и отчётах Генштаба, да в телевизионных новостях, всё ладно и складно!..

– Потому и хотелось бы мне заранее знать о возможных подводных камнях и прочих нюансах своей будущей службы! – приготовившись к долгому разговору, Валерий присел на стул.

– Что ж, изволь!.. – уже нехотя продолжил Лютый. – ...Надеюсь, что после моего предстоящего доклада, ты не сбежишь отсюда, куда подальше?

– Не беспокойтесь! Не для того я тащился в эту глушь через полстраны.

– В таком случае, буду говорить с тобой на чистоту. Слушай и мотай на ус. Заострять твоё внимание на вражеских снайперах, мелких и подлых вылазках со стороны боевиков, пожалуй, я не стану. Подобного дерьма здесь по-прежнему хватает. Уж такой у этого народца пакостный характер. Однако для твоих складов, подобные акции устрашения, не опасней комариных укусов. Стены ангаров, там крепкие.

Чуть подробнее мне бы хотелось поговорить о самих складах. Раскрою тебе небольшой секрет, о котором знают немногие. Мало того, что там боеприпасов и вооружения, на половину нашей армии. Так на дальнем объекте, имеется ещё и целый ангар медикаментов. В том числе, наркосодержащих. Без этой дряни, во время войны, ну, никак. Сам должен понимать, что для тяжелобольных – это единственная отдушина, чтоб не сойти с ума от невыносимых болей... Смекаешь, майор? Для любого маломальского полевого командира этот лакомый кусок, почище любых снарядов и автоматов будет. И ответственность за сохранность того «добра» взваливается на твои крепкие плечи. Блокпостов в округе, конечно, много. Вот только толку от них мало. А учитывая ещё и близость ущелья, где бандитствующей сволоты, словно пчёл в улье – бдительность должна быть на предельно высоком уровне.

Теперь о ещё одном, как ты давеча витиевато выразился: нюансе. Имею в виду контингент, который будет в твоём непосредственном подчинении. Итак, по порядку.

Начну свой рассказ, пожалуй, с прапорщика Михайленко. На данный момент это единственный интендант, отвечающий за учёт и сохранность складского имущества. Ещё тот, скажу я тебе, жучара! Во взаимоотношениях с этим прапором советую быть крайне аккуратным и осторожным. Не без его подачи с дальнего объекта были сняты с должностей многие серьёзные офицеры. Всех, гад, выжил. У этого упыря повсюду свои люди. В том числе, и среди

высоких чинов. Кабы не они, давно бы уж дал Михайленко пинка под зад!.. Вот скажи: какие общие интересы могут быть у генерала и прапорщика?.. – возмутился было в сердцах Лютий и, не дожидаясь ответа продолжил. – ...Так что, друг мой Князев!.. Лучшим вариантом для тебя будет, вовсе не вмешиваться в его внутри складской хозяйство! Кому нужно, тот и проверит его канцелярские талмуды. А твоя служба – безопасность объекта!

– Обождите-обождите!.. Михайленко, Михайленко!.. – как бы что-то припоминая, несколько раз повторил вслух Князев. – ...Знавал я одного хохла с точно такой же фамилией. Учились мы с ним в «военке». Правда, всего два курса. Почему я его запомнил? Потому как поймали нашего Михайленко на краже. У своих же сослуживцев, гражданскую одежду из кап-тёрки воровал. И ведь знал, сучёнок, что именно воровать. Потому как никакую иную одежду, кроме военной формы, курсанту иметь не положено. Потому и командирам о факте воровства никто не рискнёт доложить.

Взяли его своими силами. Как говорить: с поличным, на месте преступления, когда он ворованное пытался перепрятать. Устроили ему «тёмную». Чуть было, не убили. А из училища нашего Михайленко отчислили под мягкой формулировкой: за неуспеваемость. Очевидно, не захотели наши командиры-преподаватели репутацию своего орденоносного военно-учебного заведения марать. Фамилия Михайленко, конечно, распространённая... Да и вряд ли, тот наш рыжий ворюга, попал бы в прапорщики...

– Постой-постой! Так ведь и наш складской Михайленко, так же, рыжий!.. – усмехнулся Лютий. – ...Случаем, не Вовкой вашего звали?

– Точно, Владимир! Быть может, вы ещё скажете, что он из Ульяновска? – по-прежнему сомневаясь в каком-либо совпадении, на всякий случай поинтересовался Валерий.

– И опять в «яблочко»!.. – рассмеялся подполковник. – ...Тысячу раз убеждался в том, что земля наша круглая и маленькая, коль люди, так часто на ней встречаются. Я и вовсе не удивлюсь, если ты, где-нибудь у чёрта на куличках, вдруг встретишь своего бывшего сослуживца или однополчанина. Кстати!.. Если это, действительно, он... Тот факт из биографии Михайленко, о котором ты только что мне поведал, может быть весьма нам полезен.

– Посмотрим!.. – в лёгкой задумчивости майор почесал свой затылок. – ...Возвращаясь к нашему прошлому разговору... Надеюсь, это не Михайленко замолвил за меня словечко, заставившее вас поменять мнение относительно моей персоны?

– Ещё чего! Мнением прапорщика я, если и воспользуюсь, так в самом крайнем случае. А уж совет от Михайленко я и вовсе постараюсь исполнить с точностью, до наоборот.

Ну, а сейчас давай-ка мы на время, забудем о прапоре. Мне нужно успеть... Пусть, заочно и вкратце, а всё же познакомить тебя с караульным взводом. Тот ещё, скажу тебе, контингент!..

– Как это?.. – вскинул брови Князев. – ...Не уж-то хуже прапора?

– Нет, не хуже. Однако серьёзные и ответственные бойцы, мне нужны здесь. Можешь считать: на передовой. Соответственно, всех остальных... А так же тех, кого я вынужден был (по тем или иным соображениям) спасти от военных трибуналов и зарвавшихся правозащитников – пришлось «сослать» куда подальше, с глаз долой. Речь, как ты, наверное, и сам понял, ныне идёт о твоём дальнем объекте.

– Хорошенькие новости!.. – недобро ухмыльнулся Валерий. – ...Если я правильно вас понял... Там, на складах... То есть там, куда и предстоит мне отправиться. Что-то вроде местного дисбата. И командовать этой «дикой дивизией» вы поручаете именно мне.

– Угадал! На складах я должен иметь офицера, способного «построить» ту разношёрстную и мало управляемую массу. Если пожелаешь, данный офицер просто обязан задавить их своим собственным авторитетом. В общем, так Князев!.. Делай с ними, что хочешь и как хочешь, но чтоб на объекте была железная дисциплина. Чтоб по твоей вине, как командира взвода охраны, с объекта не пропала ни одна ампула, ни один патрон.

– Подполковник, а вам не кажется преступным доверять армейский арсенал всякого рода разгильдяям и раздолбаям? Короче, безответственным и сомнительным военнослужащим!.. – Князев негодовал. Однако в данном диалоге, он по-прежнему старался сохранять видимое спокойствие.

– А куда, ты прикажешь девать мне этих, по сути, ещё мальчишек, без разбора собранных военкоматским «неводом»? Ведь многим из них, нет ещё и девятнадцати. Кто-то из них пальнул со страху, якобы, в мирного жителя; кто-то кусок сыра с голодухи украл... Ну, или давай поломаем ребятам жизнь, отдав тех пацанов в военную прокуратуру. Посмотрим ещё парутройку показных «шоу-судилиш» над военнослужащими, исполнявшими свой долг. Мало они здесь пережили, мало их свихнулось на этой долбаной войне, так пускай ещё и на зоне, лет этак по пяток помучаются, в тех же самых нечеловеческих условиях. Не знаю, как ты, Князев!.. А лично я считаю, что Россия должна быть перед ними (ещё вчера сидевшими за партами, а сегодня попавшим в смертельную бойню) в неоплатном долгу. Не забывай о том, что мы профессионалы. А они кто? Сопляки, против хорошо обученного и отлично вооружённого противника. Это для кремлёвских откормленных харь, мы проводим здесь обычную контр-террористическую операцию. Типа гоняемся по горам за парой десятков бандитов. И, якобы, при полной поддержке местного населения. Да, хрен-то вам, господа чиновники! По сути, мы воюем с целым народом, с его регулярными войсками; и находимся мы сейчас на территории полномасштабных боевых, диверсионных и партизанских военных действий.

Чтобы мне не говорили, а я был и буду убеждён в том, что солдат, убивший во время военных действий кого-то из стана противника, ни при каких условиях не должен доказывать, что это был именно враг!.. А не мирный житель, якобы, совершенно случайно (и всего-то на пол часика) взявший в руки автомат или снайперскую винтовку. И вообще, Князев. Не знаю, как там было у вас, в спецназе. А у нас... По крайней мере, в моем подразделении, своих не сдают.

– И у нас не «сдают»!.. – улыбнулся майор. – ...Однако и раздолбаев, за которых никто не поручится, у нас вовсе не было!

– Эка, ты сравнил: член с пальцем!.. Кабы мог я отбирать себе солдат по своему собственному желанию!.. – присвистнул Лютый. – ...Что же касаето твоего будущего взвода... Ты с ними сперва познакомься, узнай их поближе. Быть может, после и твое первоначальное мнение, на их счёт изменится. Вот тогда мы и поговорим: стоит ли доверять охрану складов этим пацанам!.. Одно скажу. Откровенных слюнтяев, подонков и подлецов, ты там, точно, не встретишь. С любым из этих «разгильдяев», хоть сейчас я бы отправился в разведку. Ребята надёжные. Подумаешь, разок оступились, с кем не бывает!.. Ты главное: будь с ними пожётче. Иначе, запросто на шею сядут.

Пришла мне как-то в голову необычная идея. Посчитал я, что общий язык с выше-означенным караульным взводом обязательно сможет найти более, что ли, «гражданский». В общем, более молодой офицер, близкий им, как по мироощущениям, так и по взглядам, по интересам. Да только, ни черта из того эксперимента не вышло. Они его просто-напросто «съели»!.. Не учёл я следующего фактора. А именно того, что у большинства из твоих будущих парней, за плечами война, награды, ранения!.. А у молодого командира... В общем, сам понимаешь.

Лейтенанта Побилата, о котором только что шла речь, я всё же оставил на складах. Правда, с несколько иными целями и задачами. Когда ты доберёшься до объекта, он познакомит тебя с территорией и личным составом. Лейтенант, парнишка образованный и не глупый. Единственный его недостаток – характером он слабоват. Но это дело наживное. Для должности замком взвода, и первых двух качеств будет вполне достаточно. Что же касаето опыта и того же характера, то я уверен, приобретены они будут уже в процессе службы...

Подполковник так и продолжал рассказывать о молодом офицере, однако майору данная информация показалась малозначимой. Потому, размышляя о чём-то своём, он и пропустил её

мимо своих ушей. Забегая несколько вперёд, следует отметить, что Валерий напрасно не прислушался к словам подполковника. Возможно, пришлась бы данная информация майору, как нельзя кстати. Причём, в самом ближайшем будущем.

После «многообещающих» напутственных слов подполковника, Князев покинул штаб и направился в сторону поджидавшей его бронированной машины, приписанной к складам Минобороны. По пути, он всё ещё продолжал размышлять об уготованной ему «участи».

«Дальний объект!.. Значит, дальний. Сложный личный состав? Так ведь не на курорт я нынче приехал. Мы ещё посмотрим: кто кого?..»

И действительно, выбирать Князеву не приходилось. Точнее, у Валерия и вовсе не было выбора. Стандартный контракт по форме «А», подписанный ещё в Омске, предусматривал службу на любой должности и в любой точке России. Более того, он сам стремился к наиболее тяжёлым армейским условиям. Рассчитывая на то, что именно в тех, вовсе непростых ситуациях, он гораздо быстрее забудет о своих былых «гражданских» неурядицах.

«Можно считать, что в некоторой степени мне даже повезло! Новое назначение, по своей сути, вовсе не является архисложным или смертельно опасным!.. Служба, как служба. Стратегический объект – это вам, вовсе не передовая. Не оперативная позиция, посреди чистого поля; и не мобильное подразделение, когда всю жизнь «на колёсах». Новое назначение обещает быть гораздо проще!..»

Вот так, словно совсем недавно заменённая шестерня в некоем сложном механизме, с небольшим скрипом и скрежетом притираясь к единому и слаженному процессу, наш герой постепенно начал вживаться, приспосабливаться и узнавать всё больше и больше о своей новой службе.

Когда люди говорят, будто бы в одну воду нельзя войти дважды, очевидно, они подразумевают то, что невозможно испытать или заново пережить те же самые чувства и эмоции, с которыми ты ранее сталкивался. Однако сейчас, возле штаба объединённой группировки войск у Князева, похоже, появился реальный шанс опровергнуть вышеозначенную народную мудрость. Как-никак, а спустя два года, он вновь был на территории Чечни, вновь в военной форме, с прежними майорскими погонами. Перед ним вновь стоял, словно вернувшийся из прошлого, хорошо знакомый ему БМД. Те же самые настроения и почти те же мысли. Ко всему прочему, за своей спиной он вроде бы вновь услышал очень знакомый голос.

– Обождите!.. Пойдите!.. Князев!.. Майор Князев!..

Валерий не сразу сообразил: то ли звал его кто-то; то ли, внезапно разбуженные воспоминания, вдруг начали воспроизводить в его голове некие, совсем уж нереальные фантазии. Дабы внести хоть какую-то ясность, майор оглянулся. При этом его удивлению не было предела. Впрочем, не так. Удивиться он вовсе не успел. Князева догнать девушка, облачённая в военную форму. Вне всяких сомнений Князев узнал в этой даме Ирину, девочку из его прошлой службы. Только тогда, она была несколько помладше, совсем ещё девочкой.

– Валерий, и всё-таки, это вы!.. Живой!.. – слегка задыхаясь от быстрого бега, спешно заговорила Ирина. – ...Тогда, два года назад, нам сообщили, что все погибли. Лишь я одна не могла в это поверить. Была абсолютно уверена в том, что с кем-то из вашей группы я обязательно встречу. Выходит, не подвела меня интуиция.

– Рано меня хоронить! Как видишь, пока здравствую! – неловко отшутился майор. Его смущение было вызвано, прежде всего, тем, что из всех окон штаба за ними наблюдал не один десяток пар любопытных глаз. А, кроме того, он не представлял как вести себя в общении с далеко не девочкой, а вполне взрослой, к тому же, весьма миловидной особой.

– Может, ещё кто-то уцелел после того боя? – как ни в чем ни бывало, продолжала свой расспрос Ирина.

– Нет!.. – коротко ответил Князев. Сейчас, ему вовсе не хотелось ворошить подробности неприятных воспоминаний. Потому и предпочёл он перевести разговор на иную тему. – ...Ну, а ты?.. Какими судьбами здесь?

– И вы ещё спрашиваете?.. – вздохнув, Ирина отошла в сторону. Ненавязчиво встав между майором и БМД, тем самым преградив офицеру дорогу к возможному «бегству». – ...Уезжать мне было некуда. Потому и напросилась я к Лютому в штаб. После той вашей гибели... Ой, извините!.. – барышня вдруг сделала несколько несуразное движение рукой, будто хотела поймать, случайно выскочившее слово. – ...В общем, не могла я оставаться на прежнем месте. К тому же вместо вас, командиром подразделения был назначен Муханов. Надеюсь, вы помните, какие сложные у нас были с ним взаимоотношения. В общем, в тот же самый день я собрала свои вещи и сменила место службы.

Когда подполковник сообщил, что к нам едет какой-то майор Князев... Извините, но я не поверила, что речь идёт именно о вас. Посчитала, однофамилец. Ну, сами посудите: почему же сюда, да ещё и в пехоту?..

Именно теперь Валерию и стало понятно, из каких-таких источников Лютый черпал о нём сведения.

Несколько строк об Ирине.

Её родители познакомились в Нижнем Новгороде, в ту далёкую пору, когда этот город ещё носил имя Горького, когда выпускники военных училищ, коим и был в то время будущий отец Ирины, лейтенант Карасёв, могли смело смотреть в своё вполне определённое армейское будущее.

Отец Ирины по национальности был русским, тогда как её мать, учившаяся в горьковском ВУЗе, оказалась родом из Ингушетии. Во времена Советского Союза подобные межэтнические браки считались обычным делом. Более того, вышеозначенные семейные союзы, в определённой степени даже приветствовались. Считалось, что они укрепляют межнациональную дружбу братских республик.

Прежде чем на свет появилась Ирина, её родители порядком покочевали по бескрайним просторам бывшего Союза, меняя военные городки и армейские гарнизоны, вслед за новыми назначениями главы семейства. Потому о рождении ребёнка Карасёвы задумались довольно-таки поздно. Лишь тогда, когда в военной карьере отца наметилась некоторая определённость и стабильность, когда обоим супругам было уже за тридцать с хвостиком.

В самом конце восьмидесятых подполковник Карасёв вышел в отставку. Точнее, было бы сказать: на волне повального армейского бардака и перестроечного сокращения армии, его просто-напросто «попросили» со службы. После увольнения из Вооружённых Сил, Карасёвы со своей десятилетней дочерью, решили осесть на родине матери Ирины, в Ингушетии, купив там добротный дом на окраине крупного селения. Тот выбор мотивировался, как благоприятными природно-климатическими условиями, так и близким соседством с гостеприимными родственниками по материнской линии. Кто ж тогда, в конце восьмидесятых мог предположить, что в Чеченской республике к власти придут воинствующие экстремисты. Что именно интернациональность семьи Карасёвых, в конечном итоге, и сыграет в судьбе Ирины самую роковую роль. Первые вылазки чеченских головорезов на территорию сопредельных республик, оставят Ирину круглой сиротой. Бывшему офицеру Карасёву припомнят не только службу в рядах Советской Армии, но и его национальность, и вероисповедание, его непокорность и к людям, спустившимся с гор. Вслед за отцом будет убита и мать Ирины. Очень скоро, чеченских боевиков из ингушского посёлка выбьют. Возле сгоревшего дотла дома, бойцы группы федеральных спецслужб быстрого реагирования найдут перепуганную и обессиленную девушку. Отбиваясь от озверевших бандитов, бывший подполковник сумеет сохранить жизнь дочери, укрыв её от чеченских пуль в дальнем погребе.

Ну, а далее, неплохое знание горной местности и здешних наречий, а так же кое-какое ходатайство офицерского собрания – все это и послужило основанием для временной постановки шестнадцатилетней Ирины на армейское довольствие в качестве проводника и переводчицы.

Князев уже не спешил. Как-то незаметно, он разговорился с Ириной. При этом в нём вновь появилось ощущение, будто бы никуда он вовсе не уезжал. Что всегда, пусть и мысленно, был он здесь, на южных рубежах страны, среди кавказских гор и вот таких близких, открытых и бесхитростных людей.

Очевидно, не зря говорят о том, что война заканчивается лишь тогда, когда будет похоронен последний её солдат. Несколько перефразируя данную истину, следует напомнить, что Валерий был всё ещё жив. А потому и война его была вовсе не окончена. При этом сам Князев уж вовсе не жалел о своей новой командировке. Ну, скажите: кому же ещё, как не ему, здоровому и крепкому мужику, офицеру с многолетним опытом боевых действий, противостоять хорошо обученным и отменно вооружённым паскудам, попутно возвращая тем гадам долги за своих потерянных друзей и товарищей.

Невольно Князев припомнил и то, как в своей пост армейской жизни, следуя по мирным улицам родного города, он частенько ловил себя на том, что непрерывно ищет в плотном людском потоке, среди многочисленных незнакомых ему людей, лица парней, служивших с ним когда-то, и не вернувшихся с той войны. И самое главное (а может, и самое страшное), что он их иногда находил...

– Иришка, ведь я вовсе не ожидал тебя здесь встретить! Дай-ка я получше тебя рассмотрю. Как-никак, а целых два года мы с тобой не виделись!.. – отступив на пару шагов, Валерий продолжил выражать вслух свои искренние восхищения. – ...Эх, как подросла!.. Как похорошела!... Ну, прям фотомодель с обложки военного журнала!

– Между прочим, я и раньше была вовсе не уродина! – пробурчала девчушка. При этом её щеки несколько порозовели.

– От мужиков отбоя, наверняка, нет! Поди, и замуж успела выскочить?

– Опять смеётесь? За кого ж здесь выскочишь?.. – дама изобразила на своём лице нечто похожее на брезгливую гримасу. – ...Это в вашем отряде, бойцы были, как на подбор! К тому же вежливы, обходительны, тактичны, в общении интересны. А тут... Одно слово: пехота. Мотострелки хреновы. Наглые, да прилипчивые!.. – Ирина вновь улыбнулась, лишь после короткой паузы. – ...Шучу я, Князев, шучу! Нормальные ребята, как и везде. Правда, звёзд с неба не хватают. И всё же с вами... Ну, с теми... Ни в какое сравнение.

Девушка отвернулась, пряча наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Иришка, ведь ты была тогда, ещё девочкой, почти ребёнком! Потому и казались мы тебе большими, сильными и благородными дядьками! – усмехнулся Валерий, пытаясь отодвинуть воспоминания собеседницы на задний план.

– Ага!.. Девочкой!.. К вашему сведению: два года назад, мне было почти восемнадцать.

– Извини. Как-то не заметил!.. – неопределённо повёл плечами Валера. – ...Ну, ничего, служить мы теперь будем рядом, потому и постараюсь, как можно скорее искупить свою вину за прежнюю невнимательность!

– Уж вы постарайтесь! – улыбнулась Ирина.

– Приложу все усилия!.. – Валерий поддержал игривый настрой юного создания.

– Выходит, это правда!..

– Ты о чем? – Князев успел уловить печальные нотки в её голосе.

– О том, что Лютый отрядил вас на дальние склады!

– Так точно! А, собственно, почему в столь трагичных тонах?

– Валера, попрошу тебя быть там поосторожней!.. – будто подчёркивая исключительность момента, а так же искреннее равнодушие к судьбе своего боевого товарища, дама вдруг перешла на «ты». – ...В штабе о дальнем объекте ходит самая дурная слава. Здесь о нём говорят, не иначе, как о «голгофе», как о «выжженной земле». Ведь там собран весь армейский сброд!.. И «наши», и чужие. Из тех солдат, многих я знаю лично. Возможно, каждый из них в отдельности (то есть, вне общей массы) и неплохой парень. Когда же они вместе – туши свет! Ещё никому из офицеров не удавалось добиться на складах хоть какого-то прогресса. Тогда как свой былой авторитет многие командиры на «дальнем», безусловно, подорвали. Сломал их тот объект.

Понимаешь?.. Поздравлять тебя (вовсе не чужого мне человека) с новым назначением, считаю нечестно. Но и сочувствовать, было бы сейчас так же неуместно. Потому что мне очень-очень хочется, чтобы именно у тебя, майор Князев, вопреки всему, это получилось! Чтоб подольше ты здесь задержался. А заодно и утёр кое-кому нос!..

Скоро дембель!

Первые тёплые лучи апрельского солнышка, едва успели прогреть уставшую от холодной зимы землю, а четверо военнослужащих, раздевшись буквально до трусов, уже развалились на широких скамейках «курилки». Солдаты спешили получить от весеннего небесного светила первые, потому и избыточные дозы ультрафиолета. Через месяц-полтора они рассчитывали появиться в родных краях тёмными от загара. Как, собственно, и должны были выглядеть люди, действительно, побывавшие на Кавказе.

– Слушай, Сом!.. У вас в Челябинске, «тёлки» красивые? – обращаясь к соседу по лавке, поинтересовался один из «отдыхающих».

– Да уж, наверняка покруче, чем в вашем Кызыле!.. – под усмешки сослуживцев и почти не открывая глаз, ответил Игорь. – ...А ты, Литвин, никак за невестой в наш город собираешься заскочить?

Прозвище Сом, Игорь получил ещё на призывном пункте. Как производное от его фамилии: Самолук. К предстоящему дембелю Игорь подготовился, пожалуй, одним из первых. Оставалось лишь дожидаться того самого желанного часа, когда будет зачитан приказ и он, с лёгким сердцем отправиться домой, на Южный Урал. Засыпая, Игорь частенько представлял себе ту самую картину, когда он, совсем неожиданно, без каких-либо предварительных телеграмм, вдруг предстанет перед родными и знакомыми в отглаженной парадной форме, увешанной медалями и двумя орденами, наградами за боевые заслуги.

– Нет, Сом!.. В Челябинск я вовсе не собираюсь. И вообще, не за себя спрашиваю!.. – неуклюже ответил Литвиненко, достаточно добродушный и невозмутимый здоровяк, под два метра ростом. – ...Значит, ты утверждаешь, будто бы девки у вас красивые!.. В таком случае, заberi с собой Яшку. Жаловался он мне давеча, мол, всё девчонки из его деревни подалось в город. Дескать, одни бабки старые на завалинках остались.

– Литвин, ты чего это вдруг, взялся за меня хлопотать? Разве я просил тебя об этом?.. – недовольно приподнялся со скамейки худощавый Сергей Якушев (среди друзей, просто Яшка). Он никогда не упускал случая хоть чем-то зацепить или уколоть острым словом кого-то из более крепких парней. – ...К тому же, я вовсе не из деревни. Сколько можно повторять, у нас не деревня или посёлок, а центральная усадьба, почти райцентр! Ну, и самое главное, я вовсе не нуждаюсь, в чьей либо помощи. И вообще, ты Саня, в каждой бочке затычка. Повсюду свой нос суёшь!..

– Да ведь ты сам!.. Буквально вчера, все уши мне проел своими стонами: мол, где бабу найти? – доселе добродушный Литвиненко, на сей раз вскипел.

– Санёк, кончай верещать, как резаная свинья!.. – на правах негласного авторитета, Самолук оборвал бессмысленный и пустой трёп своих сослуживцев. – ...И ты, Яшка, лучше заткнись! Гляди, достанешь Кызыла... Ох, и огребёшь ты от него, по самое не хочу! Голова у Литвина дурная, а кулачищи пудовые. Зацепит разок, лишь в госпитале очухаешься!

– В конце-то концов, вы дадите мне подремать? – вдруг зарычал, до сего момента, мирно и молча отдыхавший Валера Рудяев.

– О-о-о!.. Смотрите-ка, Рудяй проснулся! Что, дружище, совсем не спиться? – с наигранным удивлением обратился к Валерию, Самолук.

– Ага, с вами, с бакланами, только и кимарить!.. – вздохнув, Рудяев встал. – ...Ну? Закурить что ли, дайте!

– Рудяй, ведь ты вчерашний день провёл при штабе! Так рассказывай, какие там новости?.. – Якушев протянул проснувшемуся парню уже раскуренную сигарету. – ...Может, чего интересного узнал?

– Да, какие в этой дыре могут быть новости? А впрочем, постой!.. – сонный Рудяев вдруг оживился. – ...Был там один чертила. Часа два, без перерыва анекдоты травил. Я так ржал, что едва не обоссался. Вот только мало, чего я сумел запомнить... – уже с грустью добавил Валерка.

– Так давай выкладывай, что запомнил, что в башке твоей осталось. Ни то, мы с тоски тут передохнем! – наострил уши Литвиненко.

– Рассказать именно так, как тот чёрт!.. То есть, с его выражениями, ужимками и прочим, у меня вряд ли получится!.. – заранее принялся оправдываться Рудяев.

Однако его тотчас оборвал на полуслове Самолюк.

– Давай уже, начинай! Не тяни кота за хвост!

– Ну, короче так!.. – чуть собравшись с мыслями, величественно и многообещающе начал Рудяев. – ...Только-только закончился жесточайший бой. Трупов с обеих сторон, просто немерено. Земля ещё дымиться. Солдатик, один из немногих, оставшихся в живых, уставший и измождённый возвращается к своим. Выжат и измотан он до предела, ели ноги свои волочит. Автомат на плече, гимнастёрка до пупа расстёгнута. Ковыляет тот солдат через небольшой пролесок. И вдруг слышит, как в кустах кто-то стонет: дескать, помоги братишка. Мол, боль до того невыносима, что терпеть её нет больше мочи. При этом просит, типа, будь другом, добей.

Наш солдатик остановился, огляделся. Быстро сообразил, что смертельно раненый военнослужащий где-то совсем рядом, буквально в ближайшем кустарнике... А сообразив, отвечает: «Ты что?.. Забудь о смерти, потерпи ещё чуток!.. Сейчас я в госпиталь тебя оттащу!..»

«Братишка, уже поздно! Рана смертельная! Половину тела, взрывом разнесло, кишки на траву вывалились!.. Нет более сил, терпеть... Помоги, братишка!.. Избавь от ненужных страданий!..»

Понимает наш солдатик, что дело, действительно, серьёзное. И решает выручить соотечественнику. Вскидывает автомат, передёргивает затвор. Перекрестившись и закрыв глаза, выпускает полный «рожок» в тот самый куст. Для верности, стреляет туда же из «подствольника». Когда завеса пороховых газов рассеивается, с чувством выполненного долга, он идёт дальше.

И тут, вновь слышит он за своей спиной, всё тот же голос: «Спасибо тебе, братишка!»

Дикий гогот взорвал тишину складских территорий.

– Молоток, Рудай! Повеселил!.. – не в силах сдержать смех, кое-как прохрипел Самолюк. – ...Давай ещё что-нибудь!

– Мужики, атас! – внезапно выкрикнул подскочивший со скамейки Якушев. Его примеру интуитивно последовали и остальные. Кое-кто даже схватился за лежавшую рядом форму.

– Яшка, а чё за шухер? – ничего не понимая, дембеля крутили по сторонам своими стриженными головами.

– Только что, через КПП проследовал командирский БМД!.. – пояснил Якушев.

– Тьфу, ты! Нашёл, чего пугаться!.. – облегчённо вздохнул Литвиненко. – ...Я-то, грешным делом решил, будто бы «чехи»!.. Подумаешь, командирский БМД!.. Наверняка, Макс за почтой или ещё за чем-то в штаб гонял! Наш командир, объект нынче не покидал. С самого утра на «медицинском» с прапором воюет. Всё чего-то считает, проверяет, ищет!..

– Да, если бы и лейтенант?.. – равнодушно, продолжил Рудяев. – ...Чтоб изменилось? Что он, вообще, может нам сделать? В лучшем случае, прочитает очередную нотацию!.. Ни рывкнуть; ни приказать; ни вздрючить, как следует! Наш Побилат, как офицер и как командир – вообще, ни о чём!.. Плюшевый! И если честно, то за такого командира, мне перед чужими солдатами даже стрёмно.

– Мужики, вы вообще о чем?.. – вмешался в разговор Самолюк. – ...Нам вечером в ночной наряд заступать. Потому и положен нам полноценный дневной отдых. А посему: что Побилат, что сервелат – нам всё по хрену!

Немного успокоившись, четвёрка «старослужащих» вновь развалилась на лавках.

– Может, кому-то и стрёмно!.. – первым затянувшееся молчание нарушил Рудяев. – ... А по мне, так на нашего лейтенанта, всем нам молиться нужно. Дай ему Бог, до самого дембеля здесь остаться. С таким командиром, нам гарантирован полный расслабон! Последние недельки хотелось бы дослужить без каких-либо излишних напрягов!..

– Сом!.. – тихо произнёс Якушев. – ...Если Побилат с прапором вдруг обнаружат на «медицинском» пропажу канистры? Ну, той самой, что со спиртом, которую мы нынешним утром подрезали. Чую, будет нам тогда долгожданный дембель!..

Самолук промолчал. Ответил за него Литвиненко.

– Ты б поменьше о той канистре вспоминал, да попусту языком молот! Даже если и обнаружат... Разве мы здесь одни? Каждый день по два-три грузовика на склады приезжают, разгружаются, загружаются!.. Попробуй за всеми уследить? – предельно просто и доступно объяснил Александр.

– Эх, а я бы той спиртяги, прямо сейчас дёрнул!.. – вспомнив об украденной накануне канистре, грустно вздохнул Рудяев. – ...Достали меня эти склады и эта долбаная Чечня! Домой хочу!

– Валера, я и сам на «измене»! Однако до вечера, всё же придётся потерпеть! Иначе, как пить дать, спалимся!.. – обращаясь к Рудяеву, как к брату, Самолук несколько урезонил последнего. – ...Вот заступим в караул, дождёмся отбоя, тогда как положено и оторвёмся!

– Служить нам осталось вместе, совсем ничего!.. – задумав что-то, начал издали Серёга Якушев. – ...Вот-вот разъедемся!..

– Да, уж!.. Пять-шесть караульных нарядов и по домам! – поддержал его Литвиненко.

– Сом, быть может, ты всё-таки расскажешь нам о том, как попал сюда, на склады?.. – тут-то и вставил свой вопрос Яшка. – ...Поведай напоследок о той чеченской снайперше. Как вычислил её, и как за ребят, погибших, с ней рассчитался? Или, ты предпочтёшь так и уехать на Родину со своей тайной?

– Так и уеду! – рявкнул Игорь, явно задетый за нечто живое.

– Мужики, слушайте ещё одну фишку!.. – воодушевлённый своим прошлым успехом (как рассказчик анекдотов), Рудяев уселся поудобнее. – ...Следующий прикол, просто отлично впишется в данную тему.

– Давай-давай!.. – вынув из пачки очередную сигарету, Самолук поторопил товарища. – ...Ни то Яшка весь мой мозг съест!

– Короче так!.. В центре Грозного громяют уличные бои. Один из пехотинцев-новобранцев забился от страха под бетонную плиту и сидит там, словно таракан за печкой. Слегка попривыкнув и немного освоившись в новой для себя обстановки, тот пехотинец начинает вертеть по сторонам башкой, подмечая кое-какие детали. Тут-то и обращает он своё внимание на подвал одного из соседних полуразрушенных домов. Дело в том, что туда, то и дело шныряют наши бойцы. Причём выходят они оттуда какими-то радостными и улыбчивыми.

Любопытство нашего солдата, в конце концов, пересилило все страхи и он, улучив минуту временного затишья, чесанул-таки к тому самому подвальчику. Залетает солдатик в приоткрытую дверь и видит толпу военнослужащих, выстроившихся друг за другом в длинную очередь. Причём солдатская вереница, начинавшаяся у самых дверей, уходила неизвестно куда, в темноту подземных катакомб.

Спрашивает первогодок: зачем, дескать, стоите?

Крайний из очереди ему и отвечает.

– Понимаешь, братишка!.. Наши разведчики накрыли чеченскую снайпершу! Вот и решили они наказать её, как говориться по заслугам. Потому и удовлетворяет она сейчас всех желающих!

Тут первогодок и сам замечает, что у всех подвальных военнослужащих, ширинки заранее уж расстёгнуты. А заметив, вновь интересуется.

– Так она, что же?.. Всем даёт?

– Ща узнаем!.. – отвечает всё тот же крайний и немедленно осведомляется у предыдущего. – ...Братишка, очередь-то можно занимать? Она всем даст?

Вопрос быстро пробегает по живой цепочке: «Она всем даст?.. Она всем даст?.. Она всем даст?.. Она всем даст?..» – и теряется где-то там, в темноте подвала.

Ответ приходит, тем же «макаром».

«Всем!.. Всем!.. Всем!.. Всем!.. Всем!..»

– Ну, слышал?.. Можешь спокойно ожидать своей очереди! – подтверждает крайний.

Обрадованный новобранец уж совсем осмелел и вновь интересуется.

– А как, насчёт нестандартного секса? Ну, там... К примеру, в зад?

– Да ты совсем, парень, оборзел!.. – усмехается крайний и тотчас добавляет. – ...А впрочем, мы и об этом сейчас узнаем!

«В зад даёт?.. В зад даёт?.. В зад даёт?..» – уносится в темноту.

«Даёт!.. Даёт!.. Даёт!..» – чуть позже вторит ему очередь.

Тут молодой и вовсе погружается в мир своих довоенных грёз и фантазий.

– А в рот берет?

«В рот берет?.. В рот берет?.. В рот берет?..» – вопрос солдатики передаётся по цепочке.

«Нет!.. Нет!.. Нет!..» – отвечает очередь.

– А почему? – удивляется салага.

«Почему?.. Почему?.. Почему?..» – негодуют солдаты.

«Голову ещё не нашли!.. Голову ещё не нашли!..»

Такого фурора, Рудяев вовсе не ожидал. Истеричный хохот, в буквальном смысле, побрасывал солдат с лавок.

– Ну, ты Рудяй, красава!.. – откашлявшись после минутного безумия, кое-как сумел выдать из себя Самолюк. Будто бы Рудяев лично участвовал в той вакханалии. – ...Так этой суке и надо!..

Если кто-то сейчас скажет о некоем психическом отклонении, или того хуже, о сумасшествии бывшего десантника, сразу поспешу успокоить. «Крыша» у Самолюка не поехала, и рассказанный анекдот он вовсе не принял за реальную историю. Просто в жизни старшего сержанта была своя, роковая чеченская снайперша, расспросами о которой, время от времени и донимал его Якушев, и которую сам Самолюк, наверняка, запомнит до гробовой доски.

Около года назад, близ полевого лагеря десантно-штурмового батальона (в котором на тот момент служил Самолюк) объявился вражеский «стрелок». Умело и грамотно меняя свои позиции, он планомерно принялся отстреливать десантуру. При этом сам оставался, на редкость неуязвим.

Когда же, очередной жертвой снайпера стал земляк и лучший друг Самолюка, выдержка Игоря кончилась. Словно одержимый, втайне от командиров и сослуживцев, он устроил настоящую охоту на злополучного снайпера. Как-то не по-пацански было спускать подобную дерзость.

На исходе третьей недели, Самолюк его всё же «накрыл». Какого же было удивление десантника, когда вместо ожидаемого матёрого боевика, он вдруг застал на подготовленной для стрельбы позиции, местную девку, на пару лет младше его самого. Чеченка оказалась вооружена снайперской винтовкой, на прикладе которой было сделано около двадцати зазубрин. О том, что было после, знали лишь двое: сам Игорь и уже мёртвая снайперша...

Ну, а позже, старшего сержанта Самолюка обвинили в зверском убийстве несовершеннолетней мирной девочки. Разжаловали в рядовые и взяли под арест. И только хлопоты Лютого спасли парня от военной прокуратуры и уголовного преследования.

– Пацаны! Вы, случаем не знаете, где можно разжиться мешком сахара, парой пачек дрожжей? – будто что-то припомнив, невпопад поинтересовался Литвиненко.

– Кызыл, своей тупостью ты начинаешь меня пугать!.. – не сдержавшись, выкрикнул Якушев. – ...Вот скажи: к чему, ты сейчас об этом спросил? А впрочем, сперва ответь мне на иной вопрос. Там, под Ханкалой!.. Ты, наверное, получил вовсе не лёгкую, а самую тяжёлую контузию? Причём, во всю голову, коль вопросы твои, день ото дня, всё дурнее и дурнее!

– А зачем тебе сахар? Да ещё и в таком количестве?.. – перебил Якушева Рудяев. – ... На сладенькое к дембелю потянуло?

– Ни в этом дело!.. – быстро осознав неуклюжесть и несвоевременность своего вопроса, Литвиненко поспешил с пояснениями. – ...В одной из складских подсобок я давеча приметил авиационный подвесной бак. Не меньше четырёх сот литров. Прапорщик Михайленко сказал, дескать, он дырявый и кроме, как на металлолом, ни на что более негоден. Однако я тщательным образом обследовал ту конструкцию и пришёл к однозначному выводу, что прапор врёт. Отличный и целый бак, да ещё и с герметичной крышкой! Потому и решил я его потихоньку дюзнуть, чтоб замутить в том баке брагу. Прикиньте, сколько пойла с него выйдет! Я, между прочим, обо всём нашем взводе тогда подумал, а ты, Яшка!.. Ещё раз вякнешь, я тебя так вломлю!..

– Литвин, оставь данную затею!.. – глядя на слегка придурковатое выражение лица сослуживца, при этом едва-едва сдерживая смех, Самолук всё же нашёл в себе силы ответить вполне серьёзно. – ...Склады у нас далеко не продовольственные. А в чеченское село за сахарком ходить не советую. Так что, обойдёмся мы, как-нибудь без твоей браги. Нам и канистры спирта, если пить будем аккуратно, до самого дембеля хватит!..

Хитрый прапор

Уж кто-кто, а прапорщик Михайленко на дальнем объекте был, пожалуй, единственным военнотружущим, ощущавшим себя на складах, словно рыба в воде. Всё и вся ему было тут до боли знакомо. В полной мере он владел ситуацией и был в курсе: как громких, так и мало-значимых событий. Более того... По мнению самого прапорщика, он даже мог запросто предвосхитить кое-какое ближайшее будущее.

За сравнительно короткий промежуток времени Михайленко умудрился пережить на стратегическом объекте с десятков своих коллег по интендантскому ремеслу. Точнее, он их просто-напросто подселел или выжил. В конечном итоге, прапорщик остался на армейских складах единственным, кто имел неограниченный доступ ко всем ангарам и хранилищам. Как это не парадоксально сейчас прозвучит, но именно от Михайленко, от обычного прапорщика, во многих подразделениях, дислоцированных на южных территориях Чечни, зависело очень и очень многое. Аккуратно и незаметно прапорщик сосредоточил в своих руках кое-какие негласные (от того, не менее значимые) рычаги управления. Став основным распорядителем армейского «арсенала», начиная от занюханных портянок и заканчивая современными переносными зенитно-ракетными комплексами, он приобрёл не только некоторое влияние, но и вполне конкретную власть. Потому как на поклон к Михайленко приходили все: от обычного лейтенанта, до полковника. Отказать кому-либо (тем более, не обоснованно) прапорщик, конечно же, не мог. В зоне боевых действий шутки с поставками оружия были чреваты трибуналом или, того хуже, самосудом. А вот придержать отгрузку, сославшись на какую-либо вескую причину; выдать совсем не то, что требовалось или отправить груз не по адресу назначения, якобы, случайно напутав – наш прапорщик мог запросто. Ну, а когда речь шла о каких-либо сверх лимитах, уж тут Михайленко мог и вовсе позволить себе поизгаляться над тем или иным незадачливым офицером.

Сложившееся на складах и вокруг них положение вещей, когда обычного каптёрщика величают не иначе, как «чёрным кардиналом», а кое-кто из командиров так и вовсе всерьёз побаивается Михайленко – Лютого, как командира достаточно крупного военного подразделения, естественно, никоим образом не устраивало. Не устраивало подполковника и кое-что иное...

С определённой степенью вероятности, Лютый предполагал или догадывался о том, что кроме мудрёных манипуляций со складским имуществом, прапорщик ещё и успевает «крутить» какие-то свои, более серьёзные тёмные делишки. Аргументировалось данное предположение следующим посылом. Невзирая на то, что в караульном подразделении дальнего объекта на протяжении последних полутора лет напрочь отсутствовала серьёзная дисциплина, тем не менее, регулярные плановые и внеплановые проверки, периодически проводимые всевозможными комиссиями различных военных ведомств, так и не смогли выявить ни единого, даже самого маломальского недочёта. Михайленко неизменно оставался чист и неуязвим.

Однажды подполковник предпринял и вовсе отчаянную попытку. Он попытался избавиться от Михайленко вполне гуманным способом. Лютый оформил последнему перевод на «большую землю», и даже прислал за ним свою машину. О подобном «счастье» выбраться из зоны боевых действий, мечтал любой из военных, находившихся в то время на Кавказе. Любой, но только не прапорщик. Вопреки самому элементарному инстинкту самосохранения, прапорщик вдруг заартачился. Более того, у Михайленко тотчас объявились серьёзные покровители: то ли из штаба южной группы войск, то ли ещё откуда повыше...

Короче, Лютому в вежливо-угрожающей форме ненавязчиво намекнули оставить прапорщика в покое. И уже через сутки, как ни в чем, ни бывало, Михайленко вернулся на свои склады, приступив к исполнению своих прежних служебных обязанностей.

Именно тогда, пожалуй, впервые в своей многолетней карьере, подполковник и соприкоснулся с таким понятием, как коррупции в высших армейских эшелонах. Об отмывании денег, бесконтрольно выделяемых на Чечню, он, конечно, читал, слышал и знал. Однако не предполагал подполковник, что может она быть так от него близка. Ну, совсем рядом. Сам того не ведая, Лютый зацепил лишь «мелкий винтик» в грандиозном механизме воровства и взяточничества, которым, по сути, и был Михайленко. Через его склады, наверняка перетекали огромные бюджетные деньги. Потому и реакция того самого «механизма» была столь внушительной и молниеносной.

Впрочем, в тот период беспокоило подполковника вовсе не это. В первую очередь, он переживал за своих подчинённых. Ведь случайно выявившиеся связи прапорщика с армейской верхушкой, как для самого Лютого, так и для его офицеров ничего хорошего не предвещали. При определённом стечении обстоятельств, та круговая порука могла запросто стать чересчур опасной, а для кое-кого и вовсе роковой. Реальность подсказывала следующее. Выглядевший инертным и простодушным Михайленко, в критические для него минуты, мог запросто переродиться в активного, мстительного и злопамятного пакостника. Затаив на кого-либо зуб, прапорщик непременно находил возможность расквитаться, подставив своего обидчика под полную раздачу. А ведь Лютый, и без того уже сбился со счёту скольких добротных офицеров, тем или иным образом, прапор умудрился «сплавить» со своего объекта, а то и вовсе, из вооружённых сил.

Заочный конфликт между подполковником и прапорщиком начал приобретать всё больший и больший размах. А учитывая упёртость в характерах обеих участников той конфронтации, в скором времени, он непременно обещал вылиться в реальную войну. Справедливости ради, стоит отметить, что Михайленко ещё ни разу, в открытую не перешёл Лютому дороги. Прапорщик ограничивался лишь мелкими гадостями, кляузами, да, пущенными «в народ» слухами. И, тем не менее, подполковник (мужик опытный и предусмотрительный) заранее предполагал, что рано или поздно, это обязательно произойдёт. Потому и предпочёл он нанести упреждающий удар первым. Принимая во внимание свой предыдущий, не совсем удачный опыт по выдавливанию Михайленко с армейских складов, на сей раз, Лютый действовал с предельной расчётливостью, осмотрительностью и осторожностью.

Дабы наверняка завалить непотопляемого каптёрщика, подполковником была придумана достаточно мудрёная схема. И далеко не последние роли, в том хитроумном сценарии отводились, как лейтенанту Побилату, уже служившему на дальнем объекте, так и только-только прибывшему майору Князеву. Ни тот, ни другой о действительных намерениях своего командира, естественно, не догадывался. До поры, до времени, Лютый предпочёл использовать офицеров, что называется, «втёмную». Да собственно, и вводить подчинённых в курс дела, особой необходимости пока что не было. И без того, каждый из них, лишь исключительным исполнением своих служебных обязанностей, по разумению подполковника и должен был довести прапорщика до «белого колена». Чего собственно, Лютый на своём начальном этапе и добивался. Ведь всем известно, что взбешённый и выведенный из себя человек, склонен к совершению необдуманных поступков и, соответственно, неоправданных ошибок. Этими-то самыми срывами, и рассчитывал воспользоваться Лютый в дальнейшем.

С данной точки зрения, Князев виделся подполковнику лицом вовсе не предвзятым, не погруженным во внутреннюю кухню его армейского подразделения. А самое главное, Лютый был уверен в неподкупности данного офицера, в своё время имевшего непосредственное отношение к органам госбезопасности. Майор должен был дозвониться над Михайленко, что называется: «извне». Тогда как лейтенанту Побилату, по молодости лет принципиальному и въедли-

вому, вменялось оказывать давление на прапорщика изнутри. Для этого, по личному приказу подполковника, Побилату и предписывалась организация тщательной и глубокой ревизии на подотчётных Михайленко складах.

На какой-либо успех вышеуказанной проверки, Лютый, конечно же, не рассчитывал. Цель ревизии была абсолютно иной. Повторюсь, доставить прапорщику, как можно больше хлопот и заставить последнего хорошенько понервничать.

– Лейтенант! Шприцы будем пересчитывать? Или ограничимся подсчётом коробок? – с нескрываемым сарказмом поинтересовался Михайленко. Он был полностью уверен в том, что на беглый подсчёт коробок со шприцами у них уйдёт не более часа.

– Конечно, будем! – сухо ответил Побилат, чётко следовавший инструкциям подполковника Лютого.

– Да ты с ума сошёл! Парень, опомнись!.. – не сдержавшись, взвыл до сего момента спокойный и уравновешенный прапорщик. – ...Здесь их сотни тысяч!.. Мы, скорее сдохнем на этих коробках, чем их перелопатим!

– По времени, нас никто не ограничивает! Если потребуется, будем считать: хоть неделю, хоть две!.. – пробурчал Побилат, снимая со стеллажа первую, попавшуюся ему под руку упаковку. – ...Так или иначе, но я должен вскрыть и проверить каждую упаковку!

– Стой, лейтенант!.. Не спеши!.. – Михайленко вдруг решил зайти с иного боку. – ...Поставь коробку и дай мне минут пять, дабы я сумел тебе кое-что объяснить!.. – подсев рядом с Побилатом, прапорщик вновь перешёл на привычный разговорный тон. – ...По возрасту ты годишься мне в сыновья. Кроме того, мы здесь одни. Потому, позволь обращаться к тебе по-простецки? Считай, по-отечески, без званий, субординации и прочего официоза... Саня, скажи мне честно, оно тебе надо? Имею в виду, сутки напролёт копать в чужом дерьме. Уясни, милоч, главное! Командиры приходят и уходят, тогда как прапорщик Михайленко незаменим. Считай, вечен! Знал бы ты, сколько до тебя перебивало здесь офицеров. Сколько сменилось солдат. Из всех остался лишь я один.

Ты сам посуди, куда ж без меня тому же Лютому? Да, и тебе, дружище, ещё не раз придется ко мне обратиться с той или иной просьбой. Так что, сынок!.. Давай-ка, мы с самого начала будем друзьями. Отложим на неопределённый срок это неблагодарное занятие, бесполезное пересчитывание сотню раз пересчитанного. Посидим за столом; выпьем и поговорим по душам. Уж будь уверен, у нас найдётся масса общих, интересных тем. Именно так мы и скоротаем недельку другую. Солдат спит – служба идёт.

Эх, Сашка-Сашка! Ты что ж, и впрямь думаешь, будто бы удастся тебе найти здесь то, чего не смогла отыскать московская комиссия, собранная из сплошь прожжённых волчар своего дела?.. Имею в виду комиссию, приехавшую к нам на объект лишь пару месяцев назад и пробывших тут без малого две недели. Мальчик, советую тебе не быть столь наивным!..

– Кто знает!.. – лукаво подмигнул прапору Побилат. – ...Быть может, вы и с ними... Взяли, да и бросили «копание в чужом дерьме». Тогда как отпущенные им две недели, вы лишь говорили с проверяющими «по душам».

– Но-но, пацан!.. – огрызнулся Михайленко. – ...Не нарывайся! Ведь я могу поговорить с тобой и по-иному!.. Мало того, что скрипя сердцем, я терпел тебя последние восемь дней. Как распоследний бобик выполнял любой твой каприз!.. – и тут, видимо сообразив, что понесло его вовсе не туда, прапорщик вдруг осёкся. – ...Хотя, ладно!.. Забудь! Будем считать, что последних слов ты мне не говорил, и я их не слышал. Ты пойми, терпение моё вовсе не безгранично, да и негоже мне, сорокалетнему мужику, словно обезьяна, прыгать по этим чёртовым стеллажам. Устал я!.. Влом мне, бестолково тягать эти пудовые кубы!..

Сашок, ну кто проверит: считали мы те же самые шприцы или нет? Ты только представь: пару месяцев мы можем быть (причём бесконтрольно) предоставлены самим себе. Чуешь,

на что намекаю? Отдохнём, как белые люди, а после и отчитаешься. Если хочешь, я даже подкину тебе пару-тройку компроматиков о коих, ни одна комиссия не дотямала. Для подобного случая, у меня кое-что припасено. Ну, а пить мы с тобой будем настоящий дагестанский коньяк, а не приторную местную чачу, которую не то, чтобы глотать, раны смазывать противно. На закуску: лимончики; икорка; московская колбаска; малосольные огурчики; сало!.. Всё это и многое другое превосходно скрасят наш суровый армейский быт. Бросай на хрен свои долбаные шприцы и айда в мою каптёрку! Там вентилятор, удобные кресла, японская техника, музыка, холодильник!.. Да, что же я тебя всё дразню? Пойдём со мной, сам всё увидишь!..

Побилат слушал увещевания прапорщика отчасти равнодушно, без каких-либо видимых эмоций. Он безучастно смотрел в его перевозбуждённое лицо, думая о чем-то своём. Наконец, воспользовавшись короткой паузой, лейтенант попросил Михайленко подать ему нож, дабы вскрыть, всё ещё стоявшую перед ним коробку со шприцами. В бессилии, прапорщик матюгнулся. Тут-то и пришла в его голову совсем уж неожиданная мысль.

«Не век же я буду куковать на этих долбанных складах! В последнее время мне всё чаще и чаще начали сниться сны, будто бы я вернулся на родину. Как не крути, а рано или поздно, мне всё же придется передать это, созданное непосильным трудом хозяйство, в чьи-то посторонние руки! А почему, собственно, в «посторонние»?.. Почему бы, уже сегодня мне не задуматься о своём приемнике? О том, кому с лёгким сердцем, я бы мог передать все «связи, явки, пароли»!.. Что если, прямо сейчас, я сделаю этому сопляку предложение, от которого он, уж точно не сможет отказаться? Год-другой поработаем вместе, а потом я подарю этому никчёмному балбесу свой бесценный подарок. Как говаривал Шура Балаганов из «Двенадцати стульев»: преподнесу на тарелочке с голубой каёмочкой ключи от безбедной жизни и обеспеченной старости!.. Эх, и повезёт же щенку!

А вдруг, эта неблагодарная тварь, всё же откажется? И это, после того, как я раскрою перед ним все свои карты. Да нет, согласиться! Куда же он, сука, денется с «подводной-то лодки»? Сломаю паскуду, застрашаю!.. Ведь это с виду он такой неподкупный и упрямый, а копни чуть глубже... Как, собственно, и вся современная молодёжь, и этот лейтенант, в конце концов, окажется бесхребетным слабаком и слюнтяем. В отличие от нашего поколения, у современных тинэйджеров нет ни чувства долга; ни чести; ни совести; ни гордости за своё Отечество, за бывшую Державу! Бунтуют они и лезут на рожон, пока в карманах пусто. Заслышав же звон золотой монеты, эти самые бунтари тотчас превращаются в покладистых и вполне управляемых пресмыкающихся. На самый крайний случай, никчёмный пацан просто испарится. Пропадёт без вести. Уж я-то знаю, как в прифронтовой зоне можно спрятать концы в воду!..»

– Саня, скажи!.. Есть ли у тебя, какая-то заветная мечта? Либо некая недостижимая цель? – как ни в чем, ни бывало, Михайленко вдруг обратился к Побилату.

Хотел, было, лейтенант рассказать прапорщику о своём сокровенном. О том, ради чего он всеми правдами и неправдами рвался в Чечню. Да вовремя одумался. Перед этим скользким типом совсем не обязательно было открывать душу и говорить о сугубо личном. Потому и предпочёл Побилат промолчать.

– Быть может, ты желаешь сделать карьеру военного?.. – не унимался Михайленко. – ... Дослужиться до генеральских погон!.. Может, ты грезишь себя в образе обеспеченного и независимого мужика, эдакого богатого мачо? Либо мечта твоя более романтична, на уровне безответной любви? Быть может, ты грезишь некой обворожительной и непреступной красавицей? Так ты, Сашка, только скажи!.. Парень, ты даже не предполагаешь, какими возможностями я обладаю! Коль захочу, так любой командир будет портянки мои стирать!.. Вот я их всех, где держу!.. – прапорщик продемонстрировал лейтенанту крепко сжатый кулак. – ...Если ты думаешь, будто бы я с этих грёбанных складов что-то подворываю... Дескать, этим и существую. Ты сильно ошибаешься. Я владею гораздо большим, что может открыть любые двери.

Но, об этом несколько позже!.. – Михайленко осёкся, сообразив, что сболтнул лишнее. – ... Эх, дружище! Давай немного сдружимся, чуть поработаем вместе, после чего, я посвящу тебя в то, о чем неизвестно ни одному смертному. А через пару лет: данные ангары, этот бездонный Клондайк – возможно, и перейдёт в твоё, единоличное пользование!.. Поверь, лишние хлебала, здесь вовсе ни к чему. Всем этим, должен распоряжаться только ОДИН! Ну, так как, хлопец, сработаемся?

– Товарищ прапорщик, может, мы всё-таки продолжим?.. – Побилат подтянул к себе всё ту же упаковку. – ...Время-то идёт, а у нас ни один шприц ещё не пересчитан!

– Ну, ты упёртый!.. – нервно сплюнул Михайленко. – ...Хорошо, будь, по-твоему!.. Однако заруби себе на носу, что в будущем... В очень тяжком для тебя будущем!.. Я вполне адекватно отреагирую уже на твои мольбы о помощи!.. – прапорщик швырнул на коробку свой перочинный нож. А ведь он был до последнего уверен в том, что Побилат купится на его чересчур щедрое предложение.

В душе заведующего военными складами неистово клокотала ненависть, замешанная на остром желании мщения. Никто, даже самые высокопоставленные чины, никогда не смели ему перечить. При этом абсолютно каждый из них оставался доволен и удовлетворён дружбой с прапорщиком.

«Добро-добро, сосунок хренов!.. Отольются мышке кошкины слезы!.. Ты ещё узнаешь, кому сказал «нет»! Кровавыми слезами, падла, умоешься!..»

КПП

На месте нынешнего дальнего объекта, куда подполковник Лютый «сосватал» майора Князева, когда-то возвышалась старинная: ни то крепость; ни то сторожевая башня. Вполне возможно, что это было и некое религиозно-оборонительное сооружение, воздвигнутое парутройку веков назад и, очевидно, благополучно разрушенное примерно в том же самом времени. На оставшемся с тех далёких веков основательном фундаменте, уже в наше время был заложен первый складской блок. Несколько позже, по мере втягивания России в бесконечную антитеррористическую операцию на Северном Кавказе, к вышеозначенному пуленепробиваемому бункеру, были пристроены ещё три ангара, небольшая казарма и кое-какие подсобные строения. Именно в этом виде и застал Князев свой нынешний стратегический объект.

Месторасположение армейских складов, с точки зрения стратегии, было выбрано довольно-таки удачно. Быть может, именно поэтому дальний объект, так ни разу и не подвергся серьёзному нападению со стороны бандитствующих формирований. Судите сами. Слева и позади складов, возвышалась неприступная стена горного массива. Справа крутой, десятиметровый обрыв. Тогда как спереди, все подходы к складам прикрывала быстрая горная река. Пожалуй, единственным местом, через которое и можно было попасть на стратегический объект Минобороны, не обладая какой-либо специальной альпинистской или подводной подготовкой – являлся широкий бревенчатый мост, перекинутый над бушующей водной стихией. Данная перемычка, связующая склады с внешним миром, была оборудована контрольно-пропускным пунктом. Впрочем, строгим и не преступным тот КПП, оставался лишь по своему названию. В действительности, контрольно-пропускной пункт у бревенчатого мостка состоял лишь из бетонной будки, обложенный со всех сторон мешками с песком; да металлического шлагбаума, приводимого в движение вручную, посредством натяжения обыкновенной верёвки. Та караульная будка, снабжённая местной связью, в лучшем случае, могла укрыть двух, максимум трёх военнослужащих от непогоды или возможного обстрела.

Как не прискорбно это может сейчас прозвучать, но охрана, круглосуточно дежурившая на том контрольно-пропускном пункте, при внезапном штурме противника, фактически была обречена на верную гибель. Потому как до ближайшего складского корпуса, откуда и следовало ожидать возможной помощи, было не менее четырёхсот метров. Единственное, что реально могли успеть сделать караульные, так это сообщить дежурному о нападении и пустить парутройку автоматных очередей в сторону врага. Ну, а дальше, как карта ляжет.

Машины, следовавшие через складской КПП, а так же сопроводительные документы или груз ими перевозимый – практически не проверялись. Потому как весь транспорт, двигавшийся через бревенчатый мост, состоял из семи-восьми грузовиков, одного БМД и командирского Уазика. То есть, каждая транспортная единица была хорошо знакома бойцам караульного взвода. Водителям доверяли, считали их «своими» и узнавали те машины издали, ещё на подходе к территории объекта.

Лишь несколько позже, когда Князев более предметно познакомиться со складской территорией, он признает, что подведомственный ему объект, из года в год оставался целым и невредимыми, вовсе не из-за своего удачного места расположения, а лишь благодаря исключительному стечению обстоятельств, если не сказать чуду или невероятному небесному благоволению.

Сержант Бутаков и ефрейтор Цымбал с самого раннего утра, заступившие на КПП в очередное боевое дежурство, уже к обеду чувствовали себя чересчур уставшими и утомлёнными многочасовым бездельем. Устроившись в сторожевой будке, Славка с Андреем принялись

вспоминать свою до армейскую жизнь. Спокойная и безмятежная обстановка располагала, да и было о чем им поговорить. Ведь мало того, что их детство и юность прошли в одном городе, в одном районе, так они ещё и «умудрились» окончить одну и ту же школу. Разница была лишь в том, что Бутаков распрощался со школьной партией, на год раньше Андрея. Подобные совпадения, скажу я вам, бывают в армейской жизни крайне редко, однако случаются.

Коль Славка Бутаков был по возрасту на год старше Цымбала, то и на призывной пункт (и, соответственно, на Кавказ) он попал годом раньше. В отличие от младшего Андрея, Славка успел захватить настоящую войну, успел окунуться в боевые сражения и лицом к лицу столкнуться со смертью. Потому и мог он позволить себе, без зазрения совести козырнуть перед земляком, сержантскими «лычками» и орденом, полученным в одной из тяжелейших боевых операций.

– Мать пишет, будто бы завод наш окончательно закрыли!.. – Цымбал делился последними новостями с родины. – ...Отец остался без работы. Начал крепко подбухивать.

– Это что ж, получается?.. – усмехнулся в ответ Бутаков. – ...Такая махина, такое огромное предприятие с цехами и прочими промзонами, будет простаивать? Я, конечно, понимаю, что ракеты нашей стране, быть может, вовсе не нужны... Однако зачем завод закрывать? Пусть бы он выпускал что-то иное, более мирную продукцию.

– Отчего ж «простаивать»? Основные корпуса уже сдали в аренду под всякие там склады, офисы, магазины. В подвалах китайцы грибы для местных ресторанов выращивают!

– Хорошенькая альтернатива, ничего не скажешь!.. – сплюнул Бутаков. – ...На какие интересно шиши, десятки тысяч нищих людей, выброшенных с того завода на улицу, пойдут в те самые магазины и рестораны?

– Обычные работяги, конечно же, не пойдут! А вот такие балбесы, как ты, Славян, обязательно оставят в тех кабаках и супермаркетах все свои «боевые»! Не успеешь дембельнуться, как тотчас просадишь свои деньги на баб и поило!

– Хрен-то там!.. – встрепенулся Бутаков. – ...Свои, кровью заработанные деньжата, я собираюсь вложить в какое-либо перспективное и весьма прибыльное дело! Я вовсе не желаю повторить судьбу своих предков. То есть, всю свою жизнь влечить серое существование; жить от зарплаты до зарплаты, пересчитывая каждую копейку.

– Что ж!.. Хозяин, барин! Рискуй, коль есть желание!.. – лукаво улыбнулся Цымбал. При этом всем своим видом Андрей демонстрировал полное неверие в мифический золотой дождь, обещавший обрушиться на его сослуживца. – ...Да, собственно, и чёрт с ними, с этими «боевыми»... Ты бы лучше, о войне что-нибудь рассказал.

– Не хочу, и не буду!.. – с лица Славки тотчас исчезла мечтательная улыбка. – ...Я уже говорил тебе о том, что нет в ней ничего крутого и прикольного. На войне лишь дикий страх и смерть!.. Много крови и прочей отвратительной мерзости!.. Представь, что ты смотришь чересчур реальный ужастик. В процессе того просмотра ты вдруг понимаешь: да ведь он про тебя самого! В тебе вдруг начинают, просыпаться первобытные инстинкты, о которых, и думать-то стрёмно. Не уж-то, ты считаешь, что мне будет приятно вспоминать о подобных вещах, и уж тем более, кому-то о них рассказывать?

Пока оторванные человеческие останки, да изувеченные трупы с поля боя вынесешь, десять раз обрыгаешься... А теперь представь, какие чувства ты испытаешь, когда твои друзья и товарищи, за считанные секунды в эти самые трупы и превращаются?

– Славян, кончай жуть нагонять!.. – отмахнулся Андрей. – ...Через месяц-другой ты вернёшься домой. Девки в очередь!.. Пацаны к тебе с почтением и уважением!.. В любой компании, стакан на халяву нальют!.. Тут ты и забудешь: и о крови, и о трупах. Голову даю на отсечение, примешься по ушам чесать: как служил, как в бой ходил, как награды получал! Сейчас я тебя вовсе не осуждаю. Именно так все дембеля и делают... Ты лучше скажи, а мне-то чего делать? Сам ведь знаешь, что не застал я настоящей войны. Почти год на Кавказе, а стыдно

признаться: ни одного матёрого боевика, так живьём и не видел! Каждый день одни и те же горные пейзажи и всё те же, до боли приевшиеся, физиономии!.. Хоть байки, какие послушать, чтоб на «гражданке», от первого лица их пересказать. Кстати, Славка!.. Надеюсь, ты не сдашь меня нашим пацанам. Не станешь трепаться о том, что вот так, в этой грёбаной будке я всю свою чеченскую войну и просидел. Сам должен понимать: как мне чертовски не повезло.

– Ну, ты и придурок!.. О такой службе, как у тебя, любой из доброй дюжины моих бывших сослуживцев... В особенности те, которые вернулись домой в «цинке», тебе бы позавидовали чёрной завистью. Молил бы ты лучше Бога о том, чтоб твоя нынешняя служба, таковой до самого дембеля и осталась!

– Да, ну на хрен!.. Ты с ума, что ли сошёл!.. – возмутился Цымбал. – ...Ещё один, точно такой же, тягостный год?.. Я этого, точно, не выдержу! И, вообще, я уж давно собираюсь рапорт подать о своём переводе в другое подразделение. Буду проситься туда, где задачи, а главное, возможности несколько иные.

– Давай-давай! Пиши, писака хренов! Когда в башке пусто, то и держит она курс в ту самую сторону, куда в ней ветер подует!.. Короче, делай что хочешь, только отстань от меня со своими тупыми расспросами. А коль военными небылицами желаешь поразжиться, так это к Якушеву... Горазд наш Серёга на всевозможные около армейские сплетни и прочие байки... – подперев голову рукой, Бутаков устроился поудобнее и закрыл глаза. – ...Посплю малость. Если что, разбудишь.

Однако нормально отдохнуть Славка так и не сумел. Из лёгкого послеобеденного полудрёма, очень скоро его вывел, всё тот же, неугомонный земляк. Помаявшись бездельем, Цымбал предпочёл потревожить «старшего».

– Бут, я тут ситуацию прикольную вспомнил! Рассказать? – поинтересовался он, пренебрегая предупреждением сослуживца.

– Трави! Уж коль разбудил!.. – не открывая глаз, пробурчал орденосец. – ...Но учти! Если будет не смешно, схлопочешь!

– Год назад та история приключилась. С призывного пункта нас сразу отвезли на железнодорожный вокзал и погрузили в два прицепных пассажирских вагона. В них-то мы и проехали, почитай, пол страны. Во время стоянок, как и положено, из вагонов никого не выпускали. Так и мариновались мы в вагонной духоте, словно огурцы в бочке. Другие города и иные населённые пункты, могли созерцать лишь сквозь грязные окна своих кубриков...

– Ты можешь, обойтись без лирики? – раздражённо поморщился Бутаков.

– Я и без того, уж перехожу к главному. Короче, тормознул наш поезд на каком-то, ну, совсем мелком полустанке. А теперь представь следующую картину. На соседнем с нами пути, ещё один пассажирский состав стоит. И в том поезде, прямо напротив нас, полное купе дембелей. Водку, суки, пьют. На нас ноль внимания. Потом, всё ж заметили. Окно своё открыли, и давай нам, стриженным, рожи корчить. Орут, дескать, попали мы по самые яйца. Минут пять, мы так и стояли: окно к окну. И всё это время, слушали, отправленные в наш адрес самые отвратительные оскорбления. Такая тоска меня, тогда пробрала. Вот думаю, везучие, уже отмучились. Потому я, собственно, и молчал. Да и остальные наши, так же, попритихли – надо полагать, по тем же самым соображениям.

И вот, слава Богу, их поезд наконец-то тронулся. Он медленно покатился на Восток. Туда, где остались наши родители, друзья и всё, что связано с нашим детством и юностью. И тут, вдобавок ко всему, один из тех дембелей, чуть ли не по пояс, высунувшись из окна, кричит нам во всё горло: «Прощай, шпана! Удачи вам, салаги! А мы поехали ваших тёлок трахать!..»

Именно после этого, один из наших успел-таки очухаться. Он-то и заорал им вслед: мол, вы только едите, а мы ваших баб целых два года жарили!..

Искренни рассмеявшись, Цымбал поинтересовался.

– Ну, как? Прикольно?

Дослушав ту историю до конца, Бутаков отчего-то уловил в ней некий скрытый подтекст. Причём, отнёс он его исключительно в свой собственный адрес.

– Ну? И где, прикажешь смеяться?.. – Славка неожиданно вскочил на ноги. Его прежнюю сонливость, как рукой сняло. – ...И, вообще, к чему это ты вдруг вспомнил о том поезде? О Наташке моей чего-то узнал?

– О какой, такой Наташке?.. – растерянно повёл плечами Цымбал. Однако быстро сообразив, в чем суть вопроса, тотчас добавил. – ...А-а, я понял! Ты о Гусевой спрашиваешь! О той девахе, с которой ты до армии мутил!

– О ней. О ком же ещё? – кое-как, скрипя зубами, всё же выдавил из себя Бутаков.

– Не-а! О Гусевой мне никто не писал!

Славка с облегчением перевёл, было, дух, но тут Цымбал задал ещё более каверзный вопрос.

– Кстати, Бут!.. Помнится, ты как-то трепался, будто бы у вас с ней, что-то там было. Ну, с Наташкой!.. Имею в виду, трах-тибидох! А теперь, скажи честно: врал?

– Ещё чего! – чуть покраснев, ответил сержант.

За два года службы Бутаков возмужал. А самое главное, он поумнел. Потому и понимал он сейчас, что его обворожительная Натали, писавшая ему столь трепетные письма, вовсе не достойна того бывшего малолетнего трёпа и его бахвальства перед дворовой шпаной. Да, и сейчас, на чем свет стоит Андрей проклинал себя за то, что пошёл на поводу у салаги-Цымбала, затеявшего этот скользкий разговор, что ответил ему в той же отвязной и пошлой манере, в которой и был задан вопрос.

– Странно!.. – тем временем, задумчиво продолжал говорить Цымбал. – ...А она говорила, будто бы, у тебя с ней ни черта не получилось!..

– При каких это обстоятельствах, она могла посвятить тебя в столь личные подробности?.. – на сей раз, Бутаков серьёзно вскипел, потому и схватил он земляка за грудки. – ...Отвечай, сучёнок! С чего это вдруг она взялась бы с тобой откровенничать?

– Славян, да ты не дёргайся! Поверь, твою бабу я не трогал. О том не могло быть и речи!.. – Андрей поспешил успокоить сослуживца. – ...Просто, так вышло. Я совершенно случайно подслушал разговор Гусевой с Ленкой Власовой. И будь уверен, что о содержании того диалога, я никому более не рассказывал. И, вообще... Ты не переживай: ждёт тебя твоя Натаха.

Бутаков несколько пришёл себя и ослабил хватку.

– Нашёл, кого слушать! Покажи мне хоть одну девку, которая открыто похвасталась бы своими сексуальными похождениями. Это для нас, для парней, перепихнуться с кем-либо, не более чем очередная «звёздочка» на левый борт фюзеляжа. А бабы, невзирая на свой возможный «послужной список», будут до последнего строить из себя целок...

Столь щепетильный разговор Цымбал затеял вовсе неспроста. При этом ему даже пришлось приврать о, якобы, подслушанном женском разговоре. Просто Андрей был абсолютно уверен в том, что земляк его обязательно заведётся. Так, собственно, оно и вышло. И лишь услышав в голосе сержанта некоторое благодушие, ефрейтор-первогодок вновь попытался аккуратненько вернуть Бутакова к прежним, неприятным для последнего расспросам.

– Бут, а ты чеченок, случаем, не шпилил?

– Я что, с дуба рухнул? – будто дотронувшись до чего-то горячего, молниеносноотреагировал Славка.

– Случая подходящего не было, или верность свою бережёшь?.. – усмехнулся Андрей. – ...Так ты, Славян, не беспокойся. Наталья о твоих экзотических пробах, ничего не узнает.

– Придурок! Тут вовсе не в этом дело!.. – огрызнулся сержант. – ...Хочешь, я расскажу тебе весьма поучительную историю?

– Давай! – именно этого Цымбал и ждал.

– Случай, о котором я собираюсь сейчас рассказать случился ещё в начале моей службы. Стояли мы тогда под Грозным. Так вот... Повадилась похаживать в расположение нашей части одна местная тёлка. Девка была, ну просто безотказная. По дюжине наших солдат могла за ночь «обслужить». При этом брала с пацанов сущие копейки...

– И что? – в нетерпении перебил сослуживца Андрей.

– Что-что!.. Пол роты наших, с каким-то ядрёным сифилисом, в санчасть угодила. Оказалось, что эту курву к нам специально засылали. Вот тебе и весь кайф от кавказской экзотики. Уж лучше, завязать на время свой «конец» в узел, чем вовсе без него остаться. А теперь прикинь, если бы у той чеченской кобылы был СПИД?

– И всё? Вся история? – разочарованно поинтересовался Цымбал.

– Всё!

– Я-то думал, ты приврёшь чего. Ну, там, как после всего случившегося, вы, к примеру, казнили ту чеченку. Или, как ваши «заразные» солдаты, в отместку, перетрахали десять аулов, награждая тем сифилисом всё женское население республики!..

– Да пошёл ты, извращенец! – Славка брезгливо сплюнул.

– А чё? Вот у Якушева все байки именно так и заканчиваются. То какое-нибудь селение танковым полком в асфальт закатают. То чеченских боевиков, целой бандой в жбан с соляной кислотой бросят. Хотя и сам прекрасно понимаешь, что он брешет, а всё же приятно. Кстати, Бут!.. Может, ты и сам был в числе тех «сифилитиков», потому и не до шуток тебе нынче?

– Очень мне надо, перед тобой красоваться или что-то утаивать!

– Ладно, проехали!.. – опасаясь перегнуть палку, Андрей перевёл разговор на иные темы. – ...Славян, ответь честно; без всяких там пантов. Ты, за что в бой шёл?

– Не понял!..

– Ну, помнишь, как это было раньше? К примеру, в Великую Отечественную... За Родину, за Сталина!.. А ты, за что? Ведь козе понятно, что не за освобождение чеченского народа от ненавистных террористов, оккупировавших беззащитную республику!

– Чёрт его знает! Как-то вовсе не задумывался!.. – Бутаков выдержал паузу. – ...Ну, наверное, за Отечество!.. За россиян!..

– Так Чечня и есть, неотъемлемая часть твоего Отечества! А чеченские боевые формирования, в своём подавляющем большинстве, состоят из таких же россиян, как ты сам! У них такие же, как и у нас с тобой паспорта!..

– Достал ты меня своими заумностями! Был приказ: идти в бой... Вот мы и шли. Чего же тут думать, ведь это армия. Бежал вместе со всеми, чтоб в глазах своих же сослуживцев не выглядеть падлой. А впрочем, Андрюха!.. Если уж быть до конца откровенным, была у меня своя причина мочить «чёрных»...

– Ну-ка, ну-ка!.. Вот с этого самого момента, если можно, то поподробнее!.. – похоже, Цымбал вновь зацепил земляка за нечто живое.

– Короче, перед самой отправкой в Ичкерия, застряли мы на полдня в Краснодаре. Сидим на тюках возле здания вокзала, бамбук курим. Совсем рядом присела женщина, лет пятидесяти. От нечего делать, разговорились. Оказалось: она русская, беженка из Чечни. О своих злоключениях та барышня рассказывала долго, причём, едва сдерживая слезы. Да, оно и понятно, ведь мало кому приятно на старости лет потерять всё, что было нажито, за целую жизнь. Ты только представь. По словам той самой дамы, буквально накануне войны в Ичкерии объявили амнистию, и выпустил из тюрем всех зеков. Тысячи преступников: воров, бандитов, убийц вышли на свободу. Если ты заметил, то чехи и без того, народец довольно-таки гадкий. А тут, столько уголовников. К тому же, они дорвались ещё и до власти. Из этих самых озлобленных и кровожадных подонков и сложилось, так называемое: народное ополчение. Проще говоря, первые бандформирования со своими полевыми командирами. Данные отморожки, оказавшиеся на свободе, своих чеченов трогать не стали. Опять же, кровная месть.

А русских – можно. Они разрознены, не воинственны и совсем не агрессивны. На каждом углу тогда кричали: дескать, не покупайте у русских дома, они и так их очень скоро оставят нам бесплатно.

Слышал бы ты, какими подлыми и безжалостными способами чеченцы выживали русских с их домов и квартир. Причём, били русским окна, срали им под дверь, сжигали машины и насиловали малолетних девочек – далеко не бандиты из какого-то там «народного ополчения», а самые обычные мирные граждане республики. Те же соседи, живущие с русскими на одной лестничной площадке или в доме напротив. Те самые, кто многие годы жил с ними бок обок; вместе с ними работали. Чьи дети, ходили с детьми наших соотечественников в одну и ту же школу; сидели за одной партой; играли во дворе в одни и те же игры...

От той женщины мы узнали, как русские, доведённые до отчаяния, спешно покидали свои дома, как вслед им летели камни, слова проклятий и даже звучали выстрелы. Самое печальное было в том, что и в России те беженцы никому оказались не нужны. Короче, остались они без крыши над головой и без средств к существованию. О русских беженцах, наши власти попросту забыли. Точнее, сделали вид, что их вовсе нет. В то время как на восстановление абсолютно «без русской Чечни», словно в бездонную бочку российские власти принялись вваливать просто сумасшедшие бабки.

Кроме как о мщении, та женщина ни о чем ином более нас не просила. В начале, она даже хотела оставить нам адреса своих оскотинившихся соседей. Дабы, при случае, мы смогли передать им её «искренний привет». Сам, наверное, догадываешься, в какой именно форме следовало это сделать. Но вскоре передумала... Объяснила свой отказ тем, что практически у каждого «чеха», когда-то был свой русский сосед. И практически повсеместно с нашим русским братом, поступили точно так же, как и с её семьёй. Говорит: дескать, чем она лучше остальных сотен тысяч беженцем. Скажу честно: искренне жаль, мне было ту барышню. А ещё... Мне до сих пор обидно за нас самих, за русских! Что же мы такие уроды? Ведь пинают нас везде и повсюду. Причём, все кому не лень. Даже самый распоследний «чурек», в самой зачуханской республике бывшего Союза, спокойно не уснёт, пока не нагадит русскому. А мы, как бесхребетные существа, терпим и делаем вид, будто ничего не происходит.

Предположим, что в каком-нибудь там Воронеже, вдруг до смерти избыют какого-нибудь негра... Причём, в большинстве случаев, накостыляют тому иноверцу абсолютно по делу. О случившемся, буквально в тот же день узнает весь мир. Махом отыщут пацанов, которых лет на двадцать упекут за решётку. Когда ж в массовом порядке вырезают русских... Их убийцы приезжают в Москву, не то чтоб, как гости – едва ли не как хозяева! Тьфу, мля, противно!..

Ну, а сейчас, Андрюха. Пожалуй, я смогу ответить на твой первоначальный вопрос. В бой я шёл за нас, за русских. Наказывал всякого, кто посмел поднять свою поганую руку на моих соплеменников. И знаешь, Андрон?... Ведь адресок у той женщины с вокзала я всё же взял. И случай, побывать в её бывшем посёлке, в скором времени мне так же представился. На той самой улице мы проводили обычную проверку документов, обходили дом за домом. Так я и попал в дом своей бывшей собеседницы. Эх, Андрюха!.. По всему было видно, что до поры до времени, это было добротное и зажиточное подворье, с ухоженным садом, с капитальным кирпичным домом и всевозможными пристройками. Пока всё это хозяйство, тупо не засрали.

Заходим вовнутрь. Бардак бардаком во всех комнатах. Повсюду грязные, в ободранных одеждах полуголодные дети. На засаленном от жира диване, валяется немывтое бородатое «животное». По ходу, кроме как «стругать» своих наследников, он ни хрена более и делать-то не умеет. Зато дом себе урвал просто шикарный. Поди, ещё и материальную помощь от нашего государства, как многодетный отец, получал. И что самое интересное... Ну, ладно бы лежал, да помалкивал. Так нет!.. Увидев нас, принялся орать, дескать, чё нам надо, по какому праву

мы в его дом вломились? А, кроме того, из дальней комнаты вдруг ещё пара бородатых козлов, с ружьями в руках вываливается!..

Словно припоминая что-то, Бутаков вдруг замолчал.

– Ну, и что было дальше? – поторопил Славку Цымбал.

– Дальше?.. Дальше приключилась со мной кое-какая неприятность... В общем, перевели меня сюда, на склады!.. – с некоторым раздражением огрызнулся Бутаков. – ...При этом ты можешь считать меня хоть нацистом, хоть фашистом... Я вовсе не обижусь. После двух лет службы, во мне накопилась такая ненависть ко всем этим уродам... Будь то киргиз, азербайджанец или чеченец... Сейчас они все для меня, на одну рожу и лживую сущность. Пока русские строили им города и дороги, мы были для них лучшими друзьями и братьями. А как только дали им власть и самостоятельность, всех своих «братьев» они тотчас взашей.

– Так ведь и вера у них одна!.. – усмехнулся Цымбал.

– У кого? – Бутаков в удивлении вскинул брови.

– Ну!.. У тех, кого ты только что перечислил. Киргизов, азербайджанцев, чеченцев!.. – неуверенно ответил Андрей. – ...А коль вера одна, то и культуры у них, в определённой степени, весьма схожи. Соответственно, и образ жизни, и образ мышления должны быть едва ли не идентичными. Возможно поэтому, ты и «свалил» их сейчас в одну кучу.

– Не смеши!.. Какая, к чёрту, у «чехов» вера?

– Известно какая! Они ж мусульмане!

– Какие, на хрен, мусульмане?.. – в очередной раз, возмутился Бутаков. – ...Ты вообще в курсе того, что ещё пару веков назад, когда началась первая кавказская война... То есть, во времена царской России. Чечены не имели ни малейшего понятия о Коране или Аллахе! Они язычники и поклонялись своим идолам. «Фундаментализм», «зелёный флаг Ислама», «джихад» и тому подобное – этим они лишь оправдывают свою агрессивную сущность. Для «чехов» война, мать родная. За время, проведённое здесь, на Кавказе, у меня и вовсе сложилось мнение, будто бы чеченцы, кроме как грабить, бандитствовать и убивать, ничего более и делать-то не умеют. Тем они раньше жили, тем же самым живут и сейчас. Вот так, со времён Лермонтова и Толстого... Помнишь «Кавказского пленника» из школьной программы? Чехи непременно пытаются доказать нам, что они круче, что жила у них крепче!

– И когда ж, по-твоему, может закончиться вся эта двухсотлетняя бодяга?

– А никогда!.. – не задумавшись, ответил Славка. – ...Кавказская война бесконечна!.. – после чего, Бутаков загадочно ухмыльнулся. – ...Правда, существует парочка способов покончить с ней, раз и навсегда! Первый из которых, подразумевает полный вывод российских войск, с признанием своей несостоятельности в претензиях на данную территорию. И второй...

– Который ты, наверняка, сам придумал? – в шутку поинтересовался Цымбал.

– Нет, вовсе не сам!.. – недовольно поморщился Славка. – ...Наш ротный как-то рассказывал о некоем русском генерале. По-моему, Ермолов... В позапрошлом веке был такой легендарный русский офицер. Он командовал нашими войсками здесь, на Кавказе. Мужиком он был твёрдым и властным... Короче, жёсть! Никаких иллюзий, по поводу мирного урегулирования кавказского вопроса у него никогда не было. С самого начала, он разобрался в том, что на Кавказе уважают и понимают только силу. Тогда как всевозможную белиберду: типа, доброта, великодушие или снисхождение – здесь воспринимают, не иначе, как слабость. И уж коли горцы знают только язык жестокости, то именно на этом языке Ермолов и стал с ними говорить.

На тот момент, самыми кровожадными и непримиримыми на Кавказе были племена черкесов. Как и нынешние чеченцы, черкесы ненавидели русских, безжалостно и беспощадно вырезали их сотнями и тысячами.

Так вот. Именно за этот народ Ермолов, в первую очередь и взялся. Он провёл ряд грамотных операций, типа, нынешних зачисток. В результате: из более миллиона черкесов,

в живых тогда осталось лишь пять процентов. Остальные погибли в войне, умерли от эпидемий, голода, были выселены в Турцию и другие исламские страны. Кое-какие племена черкесов (наиболее агрессивные) были и вовсе истреблены до последнего человека. С тех самых пор, территория, на которой ранее проживали черкесы, это и есть единственная область Кавказа, где кавказский вопрос решён раз и навсегда.

– Ничего не скажешь, радикально!.. – усмехнулся Андрей. – ...Нет людей, нет и проблемы!

– Тихо!.. – Бутаков вдруг насторожился. – ...Кажись, едет кто!.. Вроде бы звук двигателя!.. Точно, машина!

Цымбал выглянул из окна караульной будки и тут же успокоил сержанта.

– Свои! Макс из штаба возвращается!

Не покидая «караулки», Андрей поднял шлагбаум. Махнув водителю рукой, дескать, живей проезжай, Цымбал вновь вернулся к диспуту о глобальных проблемах войны и мира на южных рубежах Державы.

«Вот вам, и вся караульная служба!.. – проследовав через КПП, тяжело вздохнул Князев. – ...Вот вам и вся безопасность объекта!.. Вези с собой хоть три тонны гексогена, нам до фонаря!..»

Мститель

Для лейтенанта Побилата служба в «горячей точке», как и неуправляемый взвод охраны, доставшийся ему в подчинение или угрозы прапорщика Михайленко – ныне всё это было сущим пустяком, полнейшей ерундой, в сравнении с опасностью, исходящей от нового командира. Как заверял ранее Лютый, на дальнем объекте вот-вот должен был появиться матёрый боевой командир, прошедший две войны, в своё время служивший в элитном подразделении спецназа.

«Мне вряд ли удастся обвести этого вояку вокруг пальца!.. – каждый раз оставаясь один на один со своими мыслями, на уровне некой интуиции лейтенант чувствовал уверенное приближение некой опасности. – ...В непосредственном контакте с майором, то есть, глаза в глаза, мне наверняка не устоять. Он расколется меня, как дважды два. Короче весь былой обман, поначалу так удачно складывавшийся, обещает моментально рассыпаться, словно карточный домик... Вот и думай теперь: а стоило ли мне быть столь принципиальным во взаимоотношениях всё с тем же прапорщиком? Быть может, зря я с ним поссорился. Как не крути, а Михайленко мужик бывалый. Имелась бы у меня хоть какая-то поддержка... Впрочем, чего я раньше времени паникую? Тот лихой командир, возможно и вовсе не появится на объекте. Предположим, он передумает... Его могут переназначить в какое-то иное, более привилегированное подразделение. Он может попросту не доехать... Вон сколько мин кругом понатыкано!..»

Однако сколь бы не откладывалась та роковая минута, сколь бы верёвочка не вилась, а то, что должно было когда-то произойти, просто обаяно было случиться. Вот и приезд Князева на военные склады, исключением из данного правила вовсе не являлся.

– Лейтенант, твою мать!.. Ты что же за бардак здесь развёл? Проходной двор, а не военный объект!.. – вышагивая из угла в угол, майор отчитывал вызванного в срочном порядке Побилата. – ...Я, конечно, могу понять, что ты ещё молодой, что пороха не нюхал. Да и о том, что с личным составом у тебя возникли определённые напряжения, я так же наслышан. Однако самое элементарное и самое простое... То есть, охрану и надлежащую оборону стратегически важного объекта, ты просто обязан был обеспечить. Ведь это, как таблица умножения для восьмиклассника, которую он должен шёлкать на уровне автоматизма. В моей голове по-прежнему не укладывается: почему?.. Почему вас до сих пор, тут не перебили? Лейтенант, уж если наплевать тебе на свою собственную жизнь, ты бы подумал бы о своих солдатах. Им-то за что гибнуть? За твою преступную халатность или, как в анекдоте: за компанию? И вообще, какого хера ты делаешь в складских ангарах? С какого перепуга, ты суёшься не в своё дело? У тебя что ж, товарищ лейтенант, по периметру объекта, всё ладно и складно? Не объект, а неприступный бастион! Только рыпнись, вражина – в мелкий салат покрошим!..

«Так, оно и оказалось!.. Лютый вовсе не преувеличивал!.. – молча размышлял про себя Побилат. – ...Вне всяких сомнений, передо мной настоящий боевой офицер. Вояка, до мозга костей! Нечета мне, мямле и грёбанному самозванцу. Ему, как профессионалу, было достаточно и беглого взгляда, дабы точно оценить всю убогость сложившейся здесь обстановки.

Я общаюсь с данным мужиком не более трёх минут, а уж абсолютно уверен в том, что в любой, даже самой затруднительной ситуации, он непременно найдёт выход. Уж будьте уверены, он своего добьётся. Именно такой командир здесь и нужен! Этот майор наверняка обуздает взвод охраны и уж тем более он найдёт управу и на чёртовых дембелей!.. Новый командир не пойдёт у кого-либо на поводу, не будет перед кем-то юлить и заигрывать.

Пусть и редко, а мне всё же приходилось встречать людей подобных Князеву. Людей обладающих некой харизмой... Пусть они и прямолинейны, зато всегда сумеют назвать вещи

своими именами. Такие как этот майор привыкли полагаться на самих себя, на свою точку зрения, на своё собственное мнение. Чёткость, честность и исполнительность, непременно ставятся у них во главу угла. Быть может, именно эти качества и должны лежать в основе такого, подчас избитого понятия, как офицерская честь. Не ошибусь, если предположу, что именно за таким командиром любой солдат готов идти на верную гибель. И именно на таких майорах, пожалуй, всё ещё и держится наша многострадальная российская армия.

Нет, этому командиру я не посмею солгать. И даже если он погонит меня в три шеи, мне вовсе не будет обидно. Эх, мне бы хоть капельку его самообладания и напора. Кто знает, быть может и жизнь, и моя нынешняя служба, сложились бы совсем по-иному!..»

– Товарищ майор, позвольте возразить?.. В настоящее время, я произвожу ревизию внутри складского армейского имущества, в соответствии с приказом подполковника Лютого!.. – чуть потупив свой взор, совсем уж неуклюже лейтенант попытался объяснить свои действия. По крайней мере, он должен был хоть что-то ответить.

– Вот только не надо пугать меня погонами и чинами! Пуганные. Лютый, где?.. Далеко. А враг, можно сказать: у твоих ворот! Считаю, за тем самым деревянным мостом. А посему, ты в первую очередь обязан был обеспечить боеспособность личного состава и безопасность вверенного тебе объекта. И уж после: хоть в домино играй, хоть коробочки пересчитывай. Старшим по званию, здесь был именно ты! Более того, лишь ты был единственным здесь офицером. С тебя и весь спрос!

Лейтенант опустил голову. По сути всё, о чем говорил сейчас Князев, Побилату было известно без каких-либо акцентов и дополнительных напоминаний. Однако поделаться он, увы, ничего не мог. Причина скрывалась в его непростых взаимоотношениях с караульным взводом. Данные взаимоотношения были не просто натянуты, по большей части, они полностью отсутствовали. Приказы офицера не исполнялись, лейтенанту порой приходилось упрашивать подчинённых выполнить то или иное поручение, а иногда он и вовсе был вынужден идти на поклон к тем самым дембелям, которые в отличие от Побилата и обладали реальной властью на объекте. Потому и чурался лейтенант своих подчинённых, потому он с лёгкостью и согласился провести ревизию на складах. По крайней мере, теперь у него имелось хоть какое-то оправдание своей бесхребетности. Дескать, занят был.

– Ну? Чего молчишь? Онемел, что ли?.. – жёстко прикрикнул на Побилата Князев. – ... Лейтенант, а ну, подскажи! Какое военное училище ты окончил? Уж больно мне хочется узнать ту «кузню», которая готовят для нашей армии столь «чудесные» кадры!

– Восемь месяцев назад я окончил Новосибирский политех!..

Вот, похоже, и наступил для Побилата момент истины. Тот самый час, когда следовало ему говорить правду, какой бы жестокой она при этом ни была.

Заслышав ответ лейтенанта, Князев от неожиданности, даже поперхнулся. После чего, уставился на Побилата, как на некое аномальное явление.

– Постой-постой! Так ты что ж, вовсе не военный? – слегка откашлявшись, в недоумении поинтересовался Валерий.

– Отчего ж? У меня за плечами военная кафедра! Мои погоны и воинское звание вовсе не «липа». Я такой же офицер, как и вы!

– Какой, на хрен, офицер? Ты «пиджак»!..

– То есть? – Побилат растерянно глянул на Князева.

– Вот видишь! Ты даже не знаком с самой элементарной терминологией. Пиджак – это и значит, что ты сугубо гражданский. Марш-броски ты не бегал; пять лет в казарме не жил; по три пары сапог в год не изнашивал; гимнастёрку свою, от пота не выжимал. Так какой же ты, к чертям собачьим, военный? Одно слово: пиджак!.. – сделав акцент на концовку предложения, тем самым выразив своё крайнее пренебрежение к данному слову, майор спохватился. – ...

Обожди! А сюда-то ты, как попал? Ведь после института, тебе же прямая дорога в народное хозяйство. Ну, в крайнем случае...

– Да я и сам, толком не понял!.. – тут-то лейтенант и перешёл к заученному и тысячу раз повторенному тексту. – ...Вызвали повесткой. Отправили. Очевидно, с документами какая-то путаница вышла. Подполковник обещал разобраться. Ну, а меня, до вашего назначения попросил проверить складскую отчётность. И, по возможности, поработать с солдатами. Уж два месяца прошло, а от Лютого: ни ответа, ни привета. Может он и вовсе забыл о моем существовании!

– Что, за речь, мать твою так?.. «Посмотреть», «попросил», «поработать»?.. – Князев не знал, плакать ему сейчас или смеяться. Тяжело вздохнув, он продолжил. – ...Более чем уверен в том, что для рядового состава ты уж давно успел стать посмешищем. Ты б хоть погонны офицерские не позорил.

– Товарищ майор!.. Так я, это!.. Мне же подполковник обещал!..

– Прекрати гундосить! Не забыл про тебя подполковник. Причём, говорил он о тебе, кажется, как о выпускнике «военки»!.. – совсем уж рассеяно добавил Валерий.

Князев с трудом припоминал подробности беседы с Лютым, относительно Побилата.

«Либо преднамеренно подполковник умолчал о таком вот «подарочке», дабы посмотреть на мою реакцию... Либо сам я, чего-то упустил или недопонял...»

– Вот видите! Вы и сами сомневаетесь! – осторожно улыбнулся лейтенант. Похоже, ему удалось-таки ввести майора в некоторое замешательство.

– А ну, стой!.. – вновь спохватился Князев. – ...Ты что ж, Побилат?.. Вещь безголовая или пьян был вусмерть, когда тебя на протяжении нескольких суток везли на Кавказ? Гор вокруг себя, что ли не видел? Или харь нерусских, по пути своего следования вовсе не замечал? Образование высшее, выходит, должен был понимать, что здесь и к чему!..

– Так нас самолётом, прямо в Ханкалу!.. Три часа, и мы на месте!.. – похоже, лейтенант вновь сумел удачно оправдаться. Да только бес толку это было. Из ранее сказанного, Князев уж успел сделать соответствующие выводы.

– Ох, и гонишь ты, братец!.. Правда, понять не могу, в чем твой умысел? По-хорошему, тебя следовало бы немедленно передать в армейскую контрразведку, как крайне подозрительного элемента. Вдруг ты чеченский лазутчик. Однако я поступлю несколько гуманней. Уже завтра, первым же транспортом, отправлю тебя в штаб. Чтоб духа твоего здесь не было! Сами там наворотили, вот пусть сами и разгребают: кто ты, откуда и что с тобой делать?

– Товарищ майор, пожалуйста!.. Позвольте остаться? – взмолился Побилат, быстро сообщив, что песенка его уже спета.

– Зачем?.. – рявкнул Князев. – ...Не вижу ни смысла, ни необходимости держать посторонних на стратегическом объекте!

– Да будьте же вы, в конце концов, человеком! Поймите!.. У меня свой счёт к чеченцам имеется! Брат мой, где-то здесь погиб!.. Нас усыновили, когда мне было три года. Мы с ним из одного детдома, потому и держались всегда вместе. А потом... Я в институт, а он в авто-сервис. Чуть позже, в армию... Вы поймите, легально на Кавказ я бы ни за что ни попал. Да, и родители поперёк дороги готовы были лечь. А тут, такая удача!.. Жизнь меня случайно свела с однофамильцем. Признайте, что фамилию Побилат встретишь не так уж и часто. Ко всему прочему, он ещё и оказался моим ровесником. Да, и «фотографии» наши, оказались несколько схожи. Не воспользоваться данной, предоставленной мне возможностью, я вовсе не мог.

В отличие от меня, мой однофамилец являлся кадровым офицером, окончившим «военку». У него семья, дочери два года. Жена имеет свой бизнес. В общем, ехать ему, ну, никак... Он предложил мне неплохие деньги. Уверял, будто бы, в армейском бардаке, шесть месяцев предстоящей командировки, мне запросто удастся как-нибудь перекантоваться. Да, я и без денег был готов мчаться на Кавказ. Надо полагать, того парня мне сам Бог послал!.. Под-

натаскал он меня малость: где, кому и что следует говорить. На случай провала, мы и придумали некую легенду о якобы возникшей путанице с документами. Которую вы, собственно, уже слышали...

– Ах, вот оно что!.. – присвистнул Князев. – ...Выходит ты, сучёнок, эту кашу сам и заварил!.. И где же сейчас тот?.. Второй Побилат!

– Не знаю. Возможно, жене своей помогает. Однако, товарищ майор... Прошу учесть и тот факт, что по прибытию в расположение части, я во многом признался Лютому. Да и от вас ничего не утаил. Посему и вины за собой я особо не чувствую.

– Знаешь, студент? А ведь ты меня вовсе не убедил. Народные мстители, здесь тем более не требуются. Наломашь ты сгоряча дров, а мне потом отвечать! Да и нет у меня никакого желания брать на душу лишний грех. Не поверишь, но тут иногда стреляют!.. – усмехнулся Валерий. А после, с предельной серьёзностью добавил. – ...Пацан, ты хоть чуть-чуть представляешь во что ввязался? Имеешь представление, о настоящей войне, о её последствиях? Поговорил бы для начала со своими подчинёнными, солдатами, участвовавшими в реальных боевых действиях.

– На данную тему, они предпочитают помалкивать!.. – с грустью пробурчал Побилат.

– Случаем не задумывался: почему они молчат? Впрочем, даже то, что видели эти ребята, чепуха в сравнении с настоящей войной или с тем, что ждёт этих парней после службы. Потому как война ломает; засасывает; приучает к определённой, самой страшной зависимости! И, в конечном итоге, медленно и совсем незаметно уничтожает человека изнутри...

– Не понял! – похоже, Побилат действительно, не сразу сообразил, к чему это клонит Князев.

– Давай-ка, парень!.. Чтоб не выглядеть в твоих глазах «тупым солдафоном», живущим исключительно по уставу, я попытаюсь тебе (человеку с высшим образованием) кое-что сейчас разжевать!.. – Валерий усадил лейтенанта за стол напротив себя, после чего продолжил. – ...Тебе приходилось слышать о том, что на войне легко приобретаются навыки выживания в экстремальных условиях? В то же время, напрочь исчезает умение жить нормальной человеческой жизнью. Для многих пацанов, которые в скором времени вернуться домой, война не закончится Чечнёй или Кавказом, она будет продолжаться до самой смерти. Потому как психология войны необратимо перестраивает наши мозги. Здесь, как с алкоголем или табаком. Легко сделать первую затяжку, выпить первую рюмку и практически невозможно отказаться от последней сигареты или последних ста граммов. Солдаты, прошедшие пекло (за редким исключением), вернутся домой уже другими. Слышал что-нибудь, об «афганском синдроме»?

– Ну, вроде как...

– Уверяю тебя, что «чеченский синдром» обещает быть намного страшнее. Афганские моджахеды остались там, за границей Таджикистана. В определённой степени о них можно и забыть. Тогда как чеченские боевики, могут объявиться где угодно. По сути, они граждане России. А, кроме того, большинству россиян, как впрочем, и многим военнослужащим, до сих пор не понятно, за что и против кого мы здесь сражаемся. Потому, и домой мы вернёмся, в определённой степени, непонятными.

Если попытаешься возразить мне: дескать, в отличие от многих, у тебя имеется конкретная цель: отомстить за брата. При этом ты всерьёз намереваешься ввязаться во всё это дерьмо. Тогда будь готов и к тому, что домой ты вернёшься с особым жизненным опытом. Опытном хищника, а быть может, и с напрочь свёрнутой башкой. Опять же, если ещё повезёт вернуться... В чем я весьма сомневаюсь. Парни, прошедшие войну, образно выражаясь: подчас, так и не могут выйти из боя. Это о них говорят: пришёл с войны, но с войны не вернулся.

Ну, чего ты всё время лыбишься? Не веришь?.. – Князев заметил едва мелькнувшую ухмылку, на губах Побилата. В ней читалась конкретная мысль: дескать, не учи меня жить, лучше сразу дай автомат. – ...Считаешь себя исключительным? А ведь я встречал мужиков

и покрепче тебя!.. И поумнее, и повыносливей!.. Кому-то из них и на «гражданке» казалось, что вокруг одни враги и каждую минуту ожидали нападения. Другие напротив, уходили в себя. Уходили ото всех и от всего, что могло бы напомнить им о военном прошлом. Замыкались в своём внутреннем мире, заполненном страхом и ужасом пережитого. Ну, а тебя, парень... Исходя из твоего мягкого характера, попытаюсь предположить, наверняка, в последствие будут мучить угрызения совести. Ты будешь винить себя за то, что выжил, тогда как твои боевые товарищи или подчинённые погибли. Дескать, не сумел ты сделать всё возможное для их спасения.

То, о чем я сейчас говорю, вовсе не выдумки, не запугивание. Многое мне пришлось пережить на собственной шкуре. Уже в мирное время на моих глазах гибли друзья и сослуживцы, прошедшие по две-три войны. Потому как психические недуги и отклонения у многих бывших фронтовиков, с течением времени, становятся всё более и более очевидны. Порой они могут быть опасны для окружающих. Потому как не каждый военный может самостоятельно обуздать свою исковерканную войной психику. У многих враждебность к внешнему миру постепенно перерастает на отношение к самому себе. Тут-то и поджидают нашего брата: запои, увлечение наркотой и всевозможные суициды. Случаются и более коварные варианты, когда насилие выплёскивается вовне. И хорошо, если бывший «войка» вновь рвётся на войну. Хуже, когда врагом становятся соседи, коллеги по работе или, насолivшие ему официальные лица...

Не обессудь, если говорил я несколько спонтанно и сумбурно. Зато выложил тебе, всю самую, что ни есть правду. Причём, это ещё цветочки...

Ну, и как тебе подобные перспективы? Хотя, о чем это я?... О твоём будущем?... Совсем упустил, что его у тебя просто нет, этого самого будущего. Боюсь, но после первого боестолкновения ты навсегда здесь и останешься. Потому как на войне необходима соответствующая подготовка. Ты должен быть не просто злым, а ещё и остервенелым. Добрые и романтические студенты в Чечне не выживают. Отсюда и мой тебе самый дружеский и отеческий совет. Укладывай чемоданы, заказывай обратный билет и, пока ещё не поздно, беги отсюда без оглядки.

– Позвольте мне, хотя бы складскую ревизию закончить?... Обидно, знаете ли, бросать на полпути столь плодотворную работу! Да и, похоже, наклёвывается у меня там кое-что!.. – тихо добавил Побилат.

Лейтенанту едва удалось сдержаться от того, чтоб не сболтнуть Князеву о некой тайне Михайленко. Уж очень хотелось Побилату самому во всем разобраться, а уж после, доложить о результатах проверки Лютому. Именно от него, от подполковника, и хотелось Побилату услышать первые слова благодарности. От него же лейтенант и рассчитывал заручиться неким маломальским покровительством. По разумению Побилата: супротив мнения подполковника, не попрёт даже Князев.

В свою очередь и Князев был абсолютно уверен в том, что его долгий и пламенный монолог относительно обратной стороны войны, произведёт-таки на Побилата должное впечатление. Однако после первых же ответных слов лейтенанта, майору стало окончательно понятно, что парня он не переубедил, не заставил того одуматься, так и не достучался до его души и сердца.

– Эх, и врезал бы я тебе, идиоту, по-мужски!.. – безнадежно махнул рукой Валерий.

– Товарищ майор, поверьте!.. Не подведу! От меня обязательно будет польза. И надеюсь, эта самая польза будет вовсе не малая.

А вот эта, пожалуй, действительно выстраданная просьба: «поверьте, не подведу» произвела на Князева гораздо больший эффект нежели все предыдущие обещания. Потому как напомнило она Валерию, о его собственных заверениях, адресованных военкому Жадаеву.

– Чёрт с тобой! До выяснения, останешься пока на складах. Однако, за территорию объекта, чтоб ни шагу. Переговорю на счёт тебя с Лютым... Там и определимся, что с тобой делать!

– То есть, определённый шанс, вы мне всё же оставляете?

– Ты посмотри, каков наглец!.. – ухмыльнулся Князев. – ...Ведь я, кажется, русским языком сказал: в отношении тебя вопрос решён, окончательно и бесповоротно.

– Разрешите идти! – Побилат не думал скрывать своей радости. Улыбка с его лица уже не сходила. Пусть и на пару дней, но его все же оставили на объекте. Данную отсрочку лейтенант расценил, не иначе, как свою первую, маленькую победу. Оптимизма в благоприятном для Побилата исходе добавляло ещё и то обстоятельство, что новый командир был чрезвычайно крут, а значит и быстро отходчив.

«Авось, послужу я ещё вместе с майором!.. Поднаберусь от него, так необходимых мне навыков и опыта!..»

– Не спеши!.. – притормозил Побилата Князев. – ...Напоследок я бы хотел услышать от тебя (от постороннего и вовсе не армейского человека) хоть какое-то мнение о состоянии дел в моем нынешнем подразделении. За два месяца проведённых на объекте, кое-что в твоих светлых мозгах, наверняка, успело отложиться!.. – даже из самой негативной ситуации, Князев был приучен извлекать максимальную пользу. – ...Вот и давай, студент, выкладывай!.. Что меня ждёт? С кем или с чем будет особенно тяжело?

– Не понял?.. – в удивлении переспросил Побилат. – ...Я не собираюсь на кого-то стучать!..

– Твою ж мать!.. – в очередной раз, выругался Валерий. – ...Да что же вы за народ-то такой, гражданские? Во всем видите подвох, какую-то провокацию. Повсюду вам мерещатся заговоры, тотальный обман и тайные агенты НКВД! Парень, коль назвался ты «груздем», так изволь сдать свои полномочия, как положено, кратко изложив ситуацию в вверенном тебе подразделении!..

Со слов лейтенанта, сводное подразделение охраны состояло из тридцати семи человек рядового состава. Большая часть солдат имела боевой опыт. Кое-кто из них был даже представлен к государственным наградам. Перевод в «караулку» рассматривался этими бойцами, как понижение в ранге, как показатель потери к ним доверия со стороны прежних командиров. И хотя каждый из них в глубине души прекрасно понимал и осознавал, что эти самые перемены в службе, мера вынужденная и необходимая, тем не менее, аура некой несправедливости и отчасти безысходности незримо витала над дальним объектом. То чувство несправедливости, нередко выражалось в откровенном пренебрежении уставными нормами и открытым недовольством к своим нынешним служебным обязанностям.

По совершенно иным причинам и соображениям, на склады были отправлены шестеро новобранцев. «Дабы уберечь не шибко физически крепких пацанов от чрезмерных физических нагрузок, чтоб не «сдохли» они после обычного марш-броска». «Молодые» держались на объекте несколько обособленно, армейскую лямку тянули исправно и с нескрываемой завистью посматривали на старослужащих. Однако и они, по мнению Побилата, частенько поддавали под дурное влияние дембелей.

О прапорщике Михайленко лейтенант говорил скупой, ограничившись лишь тем, что свои складские корпуса тот покидает не так уж и часто. С территории объекта он и вовсе выбирается крайне редко. «В лучшем случае, один раз в два месяца». И вообще, прапорщик замкнут и малообщителен. Редко кого запускает в свой внутрескладской мир. При этом и сам старается не вникать в чужую сферу. «Короче живет, словно рак-отшельник». По интонациям Побилата было понятно, что Михайленко он вовсе не жалуется. Как-то вскользь лейтенант заикнулся о возможной «теневой» отчётности прапорщика, в которой Побилату ещё предстояло, якобы, разобраться. Здесь следует отметить, что версию лейтенанта относительно неких складских махинаций, Князев посчитал отчасти надуманной. Цель данной выдумки, что называется, лежала на

самой поверхности: подольше удержаться на дальнем объекте. Потому и не придавал ей Валера особого значения.

Ну, а ближе к вечеру офицеры осмотрели прилегавшую к складам территорию, караульные посты и хозяйственно-бытовые помещения. Даже неискушённый в военном ремесле Побилат отчётливо понимал, что рубежи складской территории чрезвычайно уязвимы. Они и вовсе могли оказаться беззащитны перед грамотно организованным штурмом противника. К тому же связь со штабом обещала желать лучшего. Нередко она давала сбой, причём, в самые неподходящие моменты.

В процессе того самого обхода в голове майора уже зрел план будущего переустройства дальнего объекта. Князев предполагал возведение двух (а ещё лучше, трёх) вышек с установкой на них мощных ночных прожекторов; усилением караульных постов, а так же созданием небольших, но надёжных укреплений по периметру объекта.

На общем построении личного состава, новый командир был предельно краток. Он представился и поставил перед взводом первоочередные задачи. Ропотом тихого раздражения военнослужащие восприняли новость оглашённая Князевым о том, что уже со следующего дня в подразделении вводятся обязательные занятия по физической и боевой подготовке, которые майор намеревался проводить лично.

Лишь после отбоя, Князеву удалось-таки добраться до своей жилой комнаты с металлической кроватью, тумбочкой, небольшим столиком и парой стульев.

Разбирая и выкладывая из своей походной сумки личные вещи, майор наткнулся на уже подзабытую им фотографию. Тот снимок был сделан много лет назад, когда Валерий (будучи ещё старшим лейтенантом) вернулся из своей первой боевой командировки на Кавказ. В Чечне уже всюду бушевала война, потому и возвращение домой было особо желанным.

Обращаясь памятью в те далёкие дни, майор с трепетом вспоминал, как прямо на вокзале его встречала супруга, вместе с пятилетним сыном. Как подхватив самых близких и родных ему людей, он напрямик отправился в близлежащий фотосалон, дабы запечатлеть на долгую память те незабываемые мгновения настоящего семейного счастья.

Ну, а вечером того же дня в их квартире собрались самые близкие друзья. В тесном кругу, как и положено, отметили возвращение главы семейства.

Уже на следующее утро, во время завтрака, Лариска вдруг посмотрела на Князева каким-то чужим взглядом. Будто бы увидела она его впервые в жизни.

– Валера, ты помнишь, что было накануне? Какую чушь ты вчера нёс?.. Как, едва не подрался с Сашкой? Как, в буквальном смысле, от нас убегали гости!.. Ни разу в жизни, мне не было так стыдно. Стыдно за тебя, за себя!..

– Подумаешь, слегка погорячился!.. – в своё оправдание буркнул Князев. Он и вправду, с трудом припоминал события вчерашнего вечера. – ...Не хрен было хватать тебя за задницу во время танца!

– Валера, какой «танец»?.. Какая «задница»?.. – со злости Лариса громынула посудой. – ...Ты сам-то в это веришь? Князев, ведь ты никогда таким не был. Я всю ночь не спала!..

– Здесь-то я, чем тебе не угодил?.. – возмутился офицер. – ...Ведь я сразу вырубился, проспав без задних ног до самого утра!

– Это ты, так думаешь! На самом деле, ты всю ночь дико орал; бормотал какую-то ерунду; метался; вскакивал; пытался куда-то бежать; стремился кого-то убить!.. Валера, мне было страшно! Как за себя, так и за нашего сына!..

Сейчас майор вспомнил и о том, как спустя какое-то время, супруга выдала ему ещё более жестокий и обескураживающий монолог.

– Князев, за прошедшую неделю я дико вымоталась и просто до смерти устала! Ты вернулся оттуда совершенно иным. Не поверишь, но я будто бы сама побывала на фронте. Вольно или невольно, но ты приблизил моё сознание к некоему помешательству. Полное, причём

реальное ощущение, будто бы я нахожусь в окопах!.. Где-то на передовой... Вокруг меня рвутся мины, стреляют военные... Рядом кто-то кричит, падает раненым, погибает...

Ты, наверное, заметил, что в последнее время я вовсе не покидаю квартиру; не хожу на работу или по иным делам. Возможно, ты считаешь, будто бы я хочу быть с тобой рядом, хочу слушать весь этот бесконечный бред?.. Нет, Князев, я вынуждена тебя разочаровать. Это вовсе не так. В действительности, я очень переживаю за наше единственное жильё.

Пойми, Валера!.. Ты прибываешь в каком-то непрерывном стрессе. И это напряжение, хочешь ты этого или нет, постепенно передаётся и мне. А от меня к сыну. Ещё раз повторю: моя психика на пределе, я уже на уровне срыва. И как бы мне ни было сейчас больно за наш дом, я всё же решила покинуть его стены. Точнее, не саму квартиру... А этот: ни то туман, ни то кумар, в который ты меня загнал. На пару недель Саша отвезёт нас к маме. А ты, Валерочка, делай все, что хочешь!.. Воюй, обороняйся, иди в атаку, взрывай газ, сжигай квартиру!..

Впрочем, где-то в душе, я всё же надеюсь на то, что мужик ты сильный, что временное одиночество пойдёт тебе только на пользу. Успокойся, возьми себя в руки. Ну, и самое главное, прекрати пить!..

Удерживать супругу Валерий не стал. Тогда это показалось ему бесполезной затеей. Он хорошо знал характер Лариски. Уж если она что-то для себя решила, то ни на шаг не отступит от ранее намеченного плана. А, кроме того, Князев и сам понимал, что происходит с ним нечто неладное и ему, как воздух необходим некоторый тайм-аут. Потому как в душе его творился полный беспорядок. Его вовсе не покидала мысль, будто оставил он незавершённым, что-то очень важное и весьма значимое. Ко всему прочему, Валерия действительно досаждали ночные кошмары, однако источник их возникновения, по мнению самого Князева, находился вовсе не в его голове. Причина ужасных сновидений была намного глубже. Если хотите, в его истощённой и выжатой как лимон душе. Слишком много нечеловеческих сил и эмоций было отдано ею совсем недавно, во время штурма дудаевского дворца...

Со своим подразделением Валерий вошёл в центр Грозного пятого января девяносто пятого года. Когда дворцовая площадь была сплошь завалена трупами российских военных. Их было так много, что казалось, невозможно было сделать и шага, чтоб не наступить на чьё-либо мёртвое тело. В те дни столица Ичкерии состояла целиком из руин. Горело всё, что могло гореть. Чёрный смог напалма сравнял день с ночью. Трудно было ориентироваться не только на местности, но и во времени суток. Ощущения, пожалуй, были схожи с теми, если б на землю опустилась бескрайняя ночь ада. Беспрерывная стрельба тяжёлых орудий, перекрёстный пулёмётный огонь, чеченские вопли и русский мат – слились в один общий, бесконечный гул. У выживших в той мясорубке бойцов, осталось устойчивое мнение, что они воочию видели самое начало конца света.

Подразделение Князева закрепились в развалинах одного из жилых домов. Здесь уже не было привычного разделения на роды войск, федералы занимали один общий фронт. И цель была у всех едина – Президентский Дворец. Казалось бы, он был тогда, как на ладони, в каких-то пятистах метрах. Однако шквальная стрельба с обеих сторон полностью блокировала любые попытки прорыва. И только на третий день бесконечных атак, взрывов и бесчисленного множества потерь, совершенно не ориентировавшийся ни в реальности, ни в пространстве, пропитанный потом и въедливым трупным запахом, в потоке одной разночинной и разноголосой «живой лавы», Валерий всё же ворвался на первые этажи злополучных апартаментов генерала Дудаева.

Потом, примерно сутки шёл ожесточённейший бой внутри здания. Боевики сопротивлялись до последнего патрона, до последнего человека, до самого конца рассчитывая на поддержку извне...

И вот она, казалось бы, столь долгожданная победа, достигнутая невероятными усилиями и несоизмеримым количеством человеческих жертв. Минута триумфа, минута запредельной эйфории. Дворец взят!

Пили; произносили тосты за мир во всем мире; братались; обменивались телефонами и адресами. Абсолютно все были тогда уверены в том, что война окончена. В действительности, в те январские дни, ОНА – многолетняя, жестокая и многострадальная для всей России; не имевшая определённых границ – фактически, только и началась. До настоящей победы была ещё целая вечность...

Иуда

Дождавшись наступления сумерек, прапорщик тихо и незаметно покинул территорию складов. Через четверть часа он уже был у подножья горного массива. Там, в сугробе талого снега он откопал заранее приготовленный баул, скроенный из плотной брезентовой ткани. Кое-как взгромоздив его на свои худые плечи, и изрядно пригнувшись под тяжестью ноши, прапорщик отправился вверх по склону в сторону лесного массива. Короткими передвижениями, периодически сбрасывая со своего горба тяжеленный баул и останавливаясь для того чтобы отдышаться, Михайленко постепенно преодолел почти километровую дистанцию по пересечённой местности. И вот он наконец-то наткнулся на условный знак, свидетельствовавший о том, что с горем пополам, ему таки удалось добраться до необходимого ему места. Тяжело дыша и бегло осматриваясь по сторонам, прапорщик вслушался в тишину ночного леса.

Ожидать «другую сторону» Михайленко пришлось не так уж и долго. Через пару минут, прямо перед ним вдруг появились вооружённые люди. Они словно возникли из воздуха или выросли из-под земли. В мужчине, отошедшем от группы «лесных призраков» и напрямик двинувшемся к прапорщику, угадывалась военная выправка. Осанка; широкие плечи; уверенный чеканный шаг; полевая форма; чёткие фразы и крепкое мужское рукопожатие – без каких-либо дополнительных пояснений свидетельствовали о его армейском прошлом. Тогда как, едва заметный кавказский акцент, да густая чёрная борода – выдавали его нынешнюю принадлежность к одному из чеченских вооружённых бандформирований.

Забегая несколько вперёд, следует отметить, что был этот бывший офицер советской армии отнюдь не рядовым боевиком. Салман Даудов являлся весьма известным и признанным в Чечне полевым командиром.

– Здорово, «кусок»!.. – особо не церемонясь, Даудов приветствовал прапорщика с нескрываемым к тому презрением. – ...Как наши дела? Надеюсь, ты пожаловал вовсе не с пустыми руками?

– Притащил то, что заказывал!.. – Михайленко пнул лежавший перед ним брезентовый мешок. Предстоящая процедура передачи оружия в обмен на деньги была ему весьма привычной.

– Молодец, хорошо родиной торгуешь!.. – усмехнулся полевой командир. – ...Давай-ка, проверим качество и количество. Если всё будет в порядке, получишь соответствующий расчёт.

– Обижаешь, Салман! По-моему, я ещё ни разу тебя не подводил. Как всегда, всё новое, в заводской смазке!.. – заверил чеченца прапорщик. – ...Оружие на десять раз пересчитано. Один гранатомёт даже лишний... Так сказать: в качестве бонуса.

– Доверие доверием, а перепроверить будет вовсе не лишним!.. – копошась в брезентовом бауле, ответил чеченец. – ...Как-никак, а мы с тобой по-прежнему, по разные стороны противоборствующих сторон.

– Кстати, Салман!.. – проигнорировав последнюю фразу Даудова, прапорщик предпочёл сменить тему текущего разговора. – ...Ты б свои «липовые» документы сперва показал!.. Из-за безграмотности твоего писаря, давеча я едва не спалился!.. Подумать только, в трёх местах: вместо «е», он нацарапал «э». Как сам говорит – так, очевидно, и пишет!

– Не ссы, прапор! На сей раз, нашими бумагами ты точно останешься доволен. Все печати и необходимые реквизиты из ваших, реально существующих подразделений. Причём заполнены реальными штабными крысами!.. – полевой командир протянул Михайленко накладные. – ...Про обещанную ёмкость для воды, не забыл?

– Она уже на складе. Ты б только знал, с каким трудом мне удалось выбить тот подвесной авиационный бак. Замордовали, суки, своими вопросами: дескать, зачем мне тот бак и на какие цели?.. Надеюсь, что на следующую встречу, я вам его уже приволоку.

– Мог бы и сегодня подогнать!.. – недовольно поморщился Даудов. – ...Пустой авиационный бак, насколько мне известно, вовсе не тяжёлый. Вот-вот лето наступит, снег растает... Учти, если мои бойцы останутся без питьевой воды, я тебя за яйца подвешу.

– Салман, авиационный бак, не автомат и не пистолет!.. Это достаточно приметная вещь. Требуется немного обождать. Пусть о нём слегка подзабудут! – рассовывая по карманам полученную валюту, рассудительно пояснил прапорщик.

– Будь, по-твоему!.. – в знак согласия полевой командир кивнул бородой. – ...Делай так, как считаешь нужным и не пались понапрасну. На следующую встречу, вместе с ёмкостью под воду притащишь кое-какие медикаменты!.. – протянув Михайленко листок бумаги, сложенный в четверо, чеченец поспешил с пояснением. – ...В списке самое необходимое!.. Хоть из-под земли, но добыть нужно всё!

– Салман, ты ведь знаешь, я работаю только по оружию!.. – не совсем твёрдо заявил прапорщик, словно оставляя себе пути для дальнейшего манёвра в переговорах. – ...С лекарствами, всё намного сложнее и рискованней. Там, совершенно иная отчётность и более жёсткий контроль. Короче, на медикаменты я не подписываюсь!

– Так ты, помнится, и на оружие когда-то не подписывался!.. – ухмыльнулся Даудов, припомнив Михайленко самую первую их встречу. – ...Начинать всегда сложно! Ваши федералы задолбали меня своими бесконечными зачистками, продуха от них нет!.. У меня полно раненых, им нужна скорая и действенная помощь. Принесёшь образцы необходимой документации, мы и эти фальшивки выправим!

– До сего момента, ты и без моей помощи как-то обходился!

– Подвёл нас нынче «Красный крест»! Да, и остальные малость прибрздели!..

– А ведь я тебя как-то предупреждал о том, чтоб ты не брал иностранцев в заложники!.. – усмехнулся Михайленко, уже подсчитав в уме свои грядущие дивиденды. Он и ломался-то сейчас перед Салманом, с одной лишь единственной целью, набить себе большую цену.

– Не твое это собачье дело!.. – вскипел Даудов.

– Ладно-ладно! Придется помочь твоим недобиткам. Куда же я денусь? – невзирая на гнев полевого командира Михайленко не упустил случая и для злой иронии в адрес Салмановских боевиков. Прапорщик прекрасно понимал, что в некоторой степени Даудов от него зависим. Потому, собственно, он и наглед. А ещё Михайленко имел чёткое представление о том, что, невзирая на видимую послевоенную разруху, у чеченцев водились деньги. И уж если имелись они у рядовых боевиков, то у полевых командиров их и вовсе было немерено.

Во время взаиморасчётов, Салман практически не торговался. При этом заказывал исключительно новое и эксклюзивное оружие, которое стоило не малых денег. Бывали даже случаи, когда полевой командир приносил на обмен (или, как выражался сам Даудов: на металлолом) вполне приличные, пусть и немного побывавшие в употреблении автоматы, пистолеты и даже пулемёты, из которых ещё стрелять и стрелять. Прапорщику требовалось лишь заменить на оружейных складах новые «стволы» старыми. Потому, собственно, и давила Михайленко «жаба»; потому и стремился он урвать от бандитского денежного пирога, как можно больший кусок. Потому и сейчас, улучив в разговоре с чеченцем благоприятный момент, прапорщик тотчас решил взять быка за рога.

– Конечно, помогу! Мы ведь с тобой, как братья!.. – Михайленко дружески похлопал полевого командира по плечу. – ...Однако сразу хотелось бы обговорить кое-какие нюансы. Медикаменты – товар вовсе не дешёвый. Считаю, что будет вполне справедливым, если стоимость моих услуг с сегодняшней ночи увеличится на десять процентов.

– С какого перепуга?.. – возмутился, было, Даудов. – ...По мне, так я и без того, едва ли не в золоте тебя купаю!

– Пойми, Салман!.. – быстро сообразив, что слегка перегнул палку, Михайленко предпочёл изыскать из нынешней встречи, несколько иную для себя пользу. – ...Дело вовсе не в моей жадности. Изменились условия. Они, положа руку на сердце, значительно ухудшились!.. – тяжело вздохнув, прапорщик продолжил. – ...Во-первых, на склады назначен новый командир караула. Во-вторых, всё тот же Побилат... Об этом лейтенанте я говорю тебе при каждой нашей встречи. Он, словно тень, непрерывно следует за мной. Из-за этого урода возникают всевозможные проблемы с выносом оружия и боеприпасов. Тогда как любой дополнительный риск, требует соответствующей оплаты!..

– Лейтенанта твоего, мы очень скоро нейтрализуем! Сделаешь так, чтобы он, под благовидным предлогом покинул объект. Всё остальное я беру на себя. На крайний случай, снайпер «шлёт» его прямо на территории. Можешь считать, что с твоей тенью вопрос решён. Теперь о новом командире. Кто он? Откуда?

– Князев!.. Майор Князев!

– Знакомая, вроде фамилия!.. – припоминая что-то, Салман почесал затылок.

– Даудов, да ты и впрямь, чересчур завоевался!.. – от души рассмеялся прапорщик. – ... Забыл что ли, своего училищного друга? Даже я, проучившись с вами лишь пару курсов, и то сразу его узнал. Хорошо помню, как он громче всех требовал моего отчисления из училища за ту несчастную и злополучную кражу. Ну, Салман, шевели мозгами!..

– Валерка, что ли? – поморщил лоб полевой командир.

– Он самый!

– Нашёл «друга»!.. – Даудов смачно сплюнул. – ...Так ведь он, вроде в спецназе?

– Служил!.. – утвердительно кивнул прапорщик. – ...А теперь, почему-то здесь, на наших складах оказался!

– Кусок, ты в этом уверен? Ничего, случаем, не путаешь? – переспросил чеченец, всё ещё сомневаясь в полученной от прапорщика информации.

– Да, говорю тебе: он!.. Сегодня, через складское окно, как тебя, его видел. Весь вечер, на пару с Побилатом по территории рыскал, будто искал что-то. Внешне он такой же, как и прежде. Разве что мышцами немного оброс.

– Выходит, Князь уже майора получил!.. – Салман вдруг задумался о чем-то своём. После чего, встряхнув головой, продолжил. – ...Есть у меня один человек, имеющий на твоего нового командира, вот такой зубище!.. – демонстрируя тот зуб, Даудов широко развёл руки в стороны. – ...А я-то дурак, поначалу не придавал его словам никакого значения... Дело в том, что этот самый «человек», будто заранее знал о том, что Князев объявится именно в нашем районе. Потому и ждёт он Валеру, именно здесь. Уж давно поджидает. Впрочем, и мне самому будет вовсе не лишним покататься с Князевым за кое-какие проступки. Перешёл он мне однажды дорогу!.. – сквозь зубы проговаривая последнюю фразу, глаза чеченца налились кровью.

Против подобных угроз Михайленко вовсе не возражал. Уж очень не хотелось ему служить бок о бок с тем, кто знал из его биографии не самые лицеприятные факты. Прапорщик мгновенно уловил, как крепко зацепила Даудова его неожиданное известие. Знал он и о том, что Салман своих слов на ветер не бросает. И коль чеченец заикнулся сейчас о своей мести, то будьте уверены, он своего добьётся.

– Надеюсь, по нашим складам из нашего же оружия палить не станешь? – пошутил Михайленко, уже собравшись распрощаться с бандитами.

– Иди-иди, не опасайся!.. Твои склады приносят мне гораздо больше пользы, чем оставшееся от них пепелище! Пока я жив, ты можешь быть уверен в том, что на твоём объекте не прозвучит ни единого выстрела. Считай свои склады «заповедной территорией», где любая стрельба запрещена. Ну, а меня своей самой надёжной «крышей»!.. – усмехнулся Салман. – ...

Кусок, может послать с тобой сопровождающего, чтобы в ночном лесу ты не заплутал? Чтоб не подстрелили тебя, твои же караульные?

– Нынче я подкинул караульному наряду канистру спирта. Выглядело это так, будто бы складскую дверь, по неосторожности, я оставил открытой. Ключнули. Наверняка, уж вся охрана пьяная. Потому и проскочу я меж ними абсолютно незамеченным.

Во все времена и во все войны, самым коварным и опасным врагом для любой (пусть и самой сильной) армии, являлась измена. В отличие от регулярных подразделений противника, либо светлых умов главнокомандующих, предатель – враг более коварный, потому как непременно непредсказуем. По своей подлости, измена равносильна удару ниже пояса. И сколько б воюющие стороны не тратили сил и средств на свои контрразведки, сколь бы тщательно не проводилась работа командиров по «выявлению и предупреждению», в тесном строю бойцов-соотечественников обязательно отыщется то самое «слабое звено». То есть тот, кто «сломавшись» под давлением извне, либо исходя из своих личных интересов или всевозможных предубеждений, пойдёт-таки на сделку с собственной совестью.

Можете не сомневаться и в том, что любой из предателей прекрасно осознает масштабы последствий своих подлых деяний, а так же меру своей ответственности. И, тем не менее: корысть, алчность, зависть, страх или иные низменные чувства, закравшиеся в их души, в конечном итоге, берут-таки верх над общечеловеческими моральными устоями. Нет, и не может быть каких-либо сомнений и в том, что у предателя всегда найдётся веское оправдание своей измены. Как вам понравится следующее. «Именно с этого, то есть, с передачи засекреченной информации о новейших образцах оружия, я и начал борьбу за мир во всем мире»; «Дабы препятствовать возможной экологической катастрофе, смерти прибрежной флоры и фауны, я был вынужден опубликовать в зарубежных средствах массовой информации секретные карты минных полей и военных баз».

В том же ключе происходят предательства и в высших эшелонах власти. «В знак укрепления дружеских взаимоотношений с независимой республикой X, её официальной делегации, участвующей в подписании договора о взаимном сотрудничестве была передана информация о резидентной сети, работавшей в данной стране под дипломатическим прикрытием». Как же, чёрт побери, честно и благородно по отношению к партнёру. И не важно, что за этой скромной формулировкой могут скрываться сотни арестов, десятки смертных приговоров, тысячи разрушенных судеб людей, до конца преданных твоей Державе. А ты, эти самые судьбы просто взял да и «слил».

Если ж опуститься с небес на грешную землю, то и мотивация измен здесь будет значительно банальней. К примеру, тот же прапорщик Михайленко, свою корыстную связь с чеченским полевым командиром, оправдывал обычным возмездием. Да-да, помогая врагу краденным со своих складов оружием, прапор мстил. Причём мстил он сразу всей российской армии. По мнению прапорщика именно по её вине совсем не сложилась его личная жизнь. Ведь ради армии Михайленко потерял свою молодость, так и оставшись никем непризнанным.

«Подумаешь, разок!.. Всего лишь раз, оступился!.. – нередко утешал себя прапор. – ... С кем, по молодости лет, не бывает? Ну, украл кое-какие тряпки?.. А впрочем, если разобраться, то и не брал я их вовсе. Эх, сглупил я тогда. Не хотелось мне более учиться, задолбала меня жёсткая курсантская дисциплина. Вот и взял я на себя (правда, за хорошие отступные) чужой грех. Кабы знал, в свои неполные двадцать два года, чем может обернуться для меня та дружеская услуга, ни за что б на неё не подписался!..»

И действительно, клеймо «крысы», каким-то незримым образом преследовало прапорщика на протяжении всей его последующей армейской службы. После отчисления из училища, вместо благополучного возвращения домой, Михайленко был отправлен на один из дальних полигонов, дослуживать армию в ранге обычного, рядового солдата. Оттуда, за отличную дис-

циплину и успехи по службе, он и попал в школу прапорщиков. А после, началась его долгая карьера военного. И повсюду, где только не приходилось ему служить, известие о том (казалось бы, давно забытом) проступке, по непонятным каналам армейских баек и слухов, неотрывно следовало вслед за прапорщиком. Новые сослуживцы, как-то ненавязчиво старались избегать с ним, не только тесной дружбы, но и повседневного приятельского общения.

Однако время шло. Более чем за десятилетнюю службу, Михайленко успел сменить несколько войсковых частей. Вместе с новыми назначениями и «чёрный след», тянувшийся за ним из училища, постепенно заносился песком забвения. Именно Чечня и стала для прапорщика по-настоящему новой вехой в его послужном списке. Только здесь, вдали от приевшихся гарнизонов, в круговерти боевых действий и стало возможным начать жизнь, что называется: с чистого листа. Не мудрено, что в Ичкерии, наш прапор запросился сам. Для коллег по службе рапорт Михайленко казался диким, чересчур смелым и, в определённой степени, даже опрометчиво-отчаянным. Однако сам прапорщик, отправляясь на Кавказ, ни о каком героизме вовсе не помышлял.

«На передовую, один хрен, меня не пошлют! Какой из меня, к дьяволу, вояка?.. – прикидывал в уме прапорщик. – ...А быть рядом с «кормушкой»; приложить свою руку к бесконтрольно поступающему (ведь это война) и так же бесконтрольно расходуемому арсеналу, какому-либо имуществу или продовольствию, всегда будет полезней, нежели просиживать штаны здесь, в российской глубинке!..»

Уже здесь, на чеченской земле судьба вновь свела Михайленко с его бывшим сокурсником, а ныне полевым командиром Салманом Даудовым. Сейчас, спустя годы, пожалуй, уже и не упомнить, кто из них первым решился реанимировать былую дружбу. Однако тот факт, что они нуждались друг в друге, как одна пара обуви (бесполезная порознь) – было более чем очевидным. Салману требовалось оружие, тогда как прапорщик мечтал о больших деньгах. Собственно в этом и был их общий интерес, основа и залог последующей взаимовыручки. Впервые в жизни, прапорщику помогла-таки его бывлая «чёрная метка» вора.

Вырученные за похищенные автоматы и гранатомёты деньги, прапорщик не транжирил, не разбрасывался ими направо и налево. Примерно раз в год он выбирался на «большую землю» и уже там, в массовом порядке принимался скупать особо ценные ювелирные изделия, которые бережно упаковывал и прятал в лишь ему известные тайники.

«Золото – самая надёжная, во все времена конвертируемая валюта!»

Михайленко жил далёкой мечтой о том, что когда-нибудь, лет этак в сорок, а то и раньше, будучи военным пенсионером, а по «совместительству» и подпольным миллионером, он вернётся в родной Ульяновск. Туда, где в детстве и юности считали его замкнутым и весьма заурядным мальчишкой. Как гадкий утёнок, чудесным образом перевоплотившийся в лебедя, он вернётся и поставит этот тихий волжский городишко «на уши». Все те, кто когда-то отверг его любовь и дружбу, будут носить Вову на руках. А необузданное воображение, уже всюду рисовало Михайленко шикарный «Мерседес»; дорогие костюмы, сигары; двухэтажный особняк на берегу Волги, рядом с музеем самого Ленина. А почему бы, собственно, и нет? Ведь Володя Михайленко, точно так же, как и его тёзка (вождь мирового пролетариата), поначалу был вовсе не понят своим окружением. Зато чуть позже, и тот и другой просто обязаны были прославить городок, именовавшийся в начале прошлого века Симбирском. В своём предполагаемом особняке, Михайленко обязательно установит камин. Будет там и кресло-качалка, и непременно изобилие голых женщин, готовых сиюминутно исполнить любой каприз нового хозяина жизни.

До той заветной мечты, оставалось совсем немного – один-два года безупречной службы, на едва переносимом Михайленко, дальнем объекте.

Уходя в горы, Салман полностью погрузился в свои мысли.

Узнав о назначении Князева, о его майорских погонах и, очевидно, благополучной карьере бывшего сокурсника, полевому командиру было по-своему обидно за своё нынешнее положение партизана-контрабандиста. Однако вовсе не это тревожило сейчас Даудова. И уж тем более, не мысли о войне или предстоящих боевых операциях против «федералов». Разговор с Михайленко мысленно вернул чеченца в те золотые годы, когда он был ещё молод, когда служил в Советских вооружённых силах, когда всё было для него до предела понятно и предопределено на несколько лет вперёд.

Ностальгия? В определённой степени, да.

Наиболее острые и самые волнительные воспоминания были у Даудова связаны с началом девяностых. Помнится, осенью девяносто первого, отправляясь в отпуск на родину, Салман на пару деньков задержался в Грозном. Подобного тому, всеобщего восторга и радости за своих земляков, как в сентябре девяносто первого, Даудов видимо уж никогда более не испытает. Ведь в тот период, в буквальном смысле, на его глазах писалась история небольшого горного народа.

События, в некогда спокойном Грозном развивались в том сентябре стремительно. Толпы митингующих требовали немедленной отставки прежнего руководства республики. В чеченскую революцию вливались всё новые и новые силы. Мятёжным духом заражалось всё большее и большее количество людей. В их числе оказался и Салман. Именно там, в революционном Грозном, Даудов и стал невольным свидетелем событий, благодаря которым впоследствии, коренным образом изменится и его судьба. Отряд Руслана Лабазанова захватил грозненский следственный изолятор, выпустив на свободу около двух тысяч заключённых. Как-то незаметно будущий полевой командир окончательно и бесповоротно проникся новыми веяниями беззакония и вседозволенности.

«Зачем ждать нищенских подачек государства, когда можно прийти и взять то, что тебе положено!...»

И уже через пару месяцев, последовав примеру генерала Дудаева, капитан Салман Даудов бежал из российской армии, дабы по прибытию в независимую Ичкерия, присоединиться к чеченским сепаратистам...

Спирт

Наступление вечера или ночи в горной местности отчего-то кажется непривычно ранними. Тогда как звезды на том чёрном небосклоне смотрятся особенно яркими. В безоблачную погоду их тьма-тьмушая: больших и маленьких; крохотных, как точки и едва-едва различимых. Именно эту причудливую картину ночного небосвода на пару секунду зафиксировал Самолук, опрокинувший в свой организм приличную порцию чистого спирта. Покончив с концентрированной алкогольной жидкостью, Игорь скоренько запил спирт водой. На мгновение затаил дыхание и, передёрнувшись всем телом, выпустил из лёгких воздух, пропитанный алкогольными парами. После чего, с придыханием произнёс.

– Мужики, а ночь-то нынче, какая тихая! Домой сразу захотелось! У нас на Урале они такие же!..

Однако солдаты, стоявшие рядом и молча наблюдавшие за Самолуком, вовсе не разделяли его романтических настроений. Они ждали от Игоря несколько иных комментариев.

– Ты бы лучше сказал: как спирт? Пить, можно? – в нетерпении потоптался на месте Литвиненко. В предвкушении алкогольной эйфории, ему было сейчас вовсе не до лирических сантиментов.

– Не просто можно!.. Нужно!.. – выкрикнул доморощенный дегустатор. – ...Отменный спиртыга! Ни тебе посторонних привкусов, ни добавок!.. Идёт, как по маслу!

– Яшка, какого хрена ты пугал нас, дескать, спирт этот технический, потому и пить его вовсе нельзя! Придумал, понимаешь, какой-то метил... Орал, будто все мы здесь перетравимся и ослепнем!.. – с облегчением усмехнулся Рудяев. В отличие от рискованного Самолука, Валерка (как впрочем, и все остальные пацаны) наотрез отказался испытывать на своём собственном организме содержимое, украденной со складов канистры.

После того, как бывший десантник озвучил своё заключение, тотчас загremели солдатские кружки, подставляемые под тонкую струйку щедро потёкшей из металлической ёмкости.

Кто-то кряхтел; кто-то импульсивно дышал, пытаясь потушить пожар, разгоревшийся во рту, а кое-кто и усиленно пытался перебить запах спирта рукавом своей гимнастёрки – однако «за победу» залпом выпили все, без исключения.

В некотором ожидании (пока выпитое усвоится желудком, а затем ударит и в голову) немного помолчали. Ну а после, с небольшой неуклюжей раскачки, наконец-то полился чисто мужской, пьяный и неорганизованный трёп. Это когда все одновременно говорят со всеми, при этом умудряясь ещё и отвечать на чьи-то посторонние вопросы.

И, как всегда: «за дружбу»; «чтоб стоял»; «за службу»; «за скорый дембель» и за много другое, что едва успевало прийти в голову.

– Говорю тебе, Рудяй!.. Наш новый командир, конченный урод! Он мне сразу не понравился!.. – закусывая хрустящим сухарём, Литвиненко высказал вслух своё мнение. – ... Не успел, сука, заявиться и уже давай всех строить! Кто он ваще такой, чтоб принуждать меня марафоны бегать? Я ему чё, салага? Вы, пацаны, как хотите, а по мне, так нашего нового майора необходимо хорошенько обломать! Чтоб знал, падла, кто в доме хозяин!

– Дурак ты, Литвин! Ведь он, именно о нас с тобой и печётся! – ответил ему Самолук.

– Сом, ты так говоришь потому, что вовсе не беспокоишься за своё завтрашнее утро. Ведь после нынешнего ночного дежурства, тебя никто не тронет!.. – огрызнулся Рудяев. – ... А интересно, что ты запоешь через пару дней?.. И вообще, на хрен нам, дембелям, эти утренние «напряги»?

– А ты сам прикинь!.. – Самолук отчего-то грудью стоял за Князева. – ...Очень скоро мы окажемся на «гражданке»! Начнём утверждаться в новой жизни, завоёвывать своё место

под солнцем. Тут-то нам кулаки, ох, как пригодятся!.. Вот майор и подтянет нашу боевую подготовку. По себе чувствую, что расслабился я на складах, растерял былую форму. Удар совсем уже не тот, что был ранее. Одышка. Да, и в весе, похоже, прибавил.

Почему Игорь вступался за нового командира, он и сам это не знал. Возможно потому, что прибывший на склады майор чем-то неуловимым напомнил его первого, уже погибшего комбата, непререкаемого авторитета для его первого десантно-штурмового батальона.

– Пацаны, вам чё, и поговорить больше не о чем?.. – выкрикнул Якушев. – ...Целыми днями одна и та же песня! Сколько же можно: то о службе, то о командирах! Мужики, ведь скоро дембель!..

– Кстати, ребята!.. Никто не знает, где можно разжиться мешком сахара?.. – воспользовавшись временным затишьем, почти машинально поинтересовался Литвиненко. Однако заметив на лицах своих товарищей суровые взгляды, тотчас осёкся. – ...Ах, да!.. Совсем подзабыл. Ведь я об этом у вас уже спрашивал. Может, анекдот рассказать?

– Валяй! – «разрешил» Рудяев.

– Ну, значит так!.. – неуверенно начал Сашка. Рассказчик он был, ещё тот. – ...Возвращается как-то Басаев с очередного теракта. Как всегда полный грузовик трупиков. Позади машина с кучей заложников. Проезжает Шамиль мимо одного из чеченских селений. И вдруг видит, как на окраине аула, расположились братья-вайнахи и их украинские союзники из УНА-УНСО (Решением Верховного суда Российской Федерации от 17 ноября 2014 года, данная организация признана экстремистской и её деятельность запрещена в России). Короче, хохлы-наёмники. Сидят те бойцы на полянке и косяк забивают. Взбешённый Басаев выскакивает из кабины своего грузовика. Подбегает к ним и орёт...

И тут, неожиданно для всех, Литвиненко вдруг замолчал. Он вдруг замер всем телом, будто бы лом проглотил. Лишь глазами своими в каком-то немом испуге лупает.

– Саня, ты чего затупил? Не уж-то забыл, чем анекдот тот закончился?.. Давай продолжай: чего сказал вайнахам Шамиль?.. – разливая очередную порцию спирта и уже готовый произнести следующий тост, Яшка поторопил сержанта. Искоса глянув на Литвиненко, каким-то шестым чувством или (если хотите, спинным мозгом) Серёга вдруг почувствовал неладное. Подчиняясь выработанному за годы войны инстинкту самосохранения, он тотчас обернулся. Прямо перед ним стоял, неизвестно откуда взявшийся, майор Князев.

По всей видимости, Литвиненко увидел его первым. Однако оцепенев от страха, он так и не сумел оповестить сослуживцев об опасности. Секундой позже, нового командира заметили и остальные участники ночного сабантуя. Тонкая струйка спирта полилась из упавшей канистры на снег.

Прятать «следы преступления» было уже поздно. Тут вам и сухарики, разложенные на газетке; и открытая ёмкость; и кружки; и вполне естественный алкогольный «выхлоп». То есть картина вопиющего нарушения воинской дисциплины, была нынче, как на ладони. Солдатам, пойманным с поличным, ничего не оставалось, кроме как встать и, опустив глаза в землю, ожидать сурового командирского вердикта.

– Кажется, Якушев?.. – припоминая фамилию караульного, Князев обратился к Сергею.

– Так точно! – ответил тот. После чего, чуть спохватившись, поднял упавшую канистру и поставил её на снег.

– В таком случае, слушай, что было дальше!.. – майор, ставший невольным свидетелем предыдущего солдатского трёпа, взялся закончить за Литвиненко анекдот. – ...Тут-то и говорит им Басаев!.. Что ж вы, братцы-вайнахи; и вы, наши союзнички, здесь сиднем сидите? Мы, понимаешь, в поте лица воюем, режем и расстреливаем федералов, этих проклятых москалей!.. А вы балду тут гоняете. Анашу, как я посмотрю, перетираете! Обкуриться, наверное, решили?.. Уж лучше б вы смотались сейчас в Веденский район. Там, в восьми километрах от райцентра, расположены офигенные склады федералов. То есть, море всевозможного ору-

жия!.. Причём, именно сегодня, тамошняя охрана вматину пьяна. Возьмёте их тёпленькими, без единого выстрела, практически голыми руками!..

Не сдержавшись, Рудяев хихикнул.

– Смешно?.. – прорычал командир. – ...А у меня, сержант, от таких «анекдотов» волосы дыбом встают! Я и представить не берусь, какой «фарш» остался бы от нас к утру, если бы нынешней ночью сюда нагрянула какая-то чеченская банда!..

В соответствии с годами выработанной привычке, Князев спал предельно чутко. Потому и проснулся он среди ночи, от некоего постороннего и едва различимого шума. Накинув на свои плечи бушлат, Валерий вышел на улицу. И уже тут, на свежем воздухе, майор различил какие-то едва слышные посторонние выкрики и более уловимые его слухом всплески дикого смеха. Именно туда, в дальний угол охраняемой территории (где, по прикидкам Князева и должен был располагаться эпицентр непонятного веселья) поспешил проследовать Валерий.

Честно признаться: столь вопиющей дерзости, как откровенная пьянка, командир попросту не ожидал здесь увидеть. К тому же, нарушителями являлись наиболее опытные бойцы его нового взвода. Именно от них, по прикидкам майора, и зависел климат и общий настрой в его нынешнем подразделении. Более того, это были те самые военнослужащие, на которых в первую очередь и собирался опереться Валерий. Потому и стоял он сейчас перед подчинёнными, в не меньшей растерянности: как поступить и что с ними сделать.

Первым из временного ступора вышел Самолюк.

– Товарищ майор, зря вы так!.. Мы ж понемногу!.. Чтоб согреться!.. Прошу не сомневаться: ни одна тварь на склады не проскочит!..

– Считай, уже проскочила!.. – огрызнулся Князев. – ...Именно меня ты и можешь считать той самой «тварью», которая положит весь ваш караул, одной автоматной очередью!.. Уже завтра ваши тела отправят в общевоинской морг, упакуют в «цинк». И это за месяц до вашего «дембеля», когда всё страшное, казалось бы, уже давно позади!.. – выждав короткую паузу, словно «минуту молчания», майор немного смягчился. – ...Как я вижу, все дембеля-красавцы в полном сборе! Хотя, нет!.. Бутаков отсутствует. Что же друга своего не пригласили? Как-то не по-товарищески получается!

– Бут нам не товарищ!.. – тихо и с какой-то особой злобой процедил Якушев. – ...Он из «ВВ»!.. А мы с «вертухаями» не корешимся!

– Ты что же, солдат, бывал в местах не столь отдалённых?.. – майор с подозрением прищурился на Сергея. – ...Или в какой-то подворотне зековского жаргона успел нахвататься?

– Сам не «мотал», а вот отцу моему, пришлось!.. Мы с матерью жили по соседству. Потому и лично видел, как эти грёбанные ВВшники беспредельничают!

– Ну, извиняйте! С тюремными порядками познакомиться мне, слава Богу, вовсе не пришлось!.. – язвительно усмехнулся Князев. – ...Зато с бойцами из Внутренних Войск мне однажды пришлось штурмовать Президентский Дворец! Потому и могу констатировать тот факт, что хлопцы из ВВ, ни в храбрости, ни в самоотверженности – ни одному из родов войск вовсе не уступали!

– Товарищ майор, а может с нами?.. – почувствовав в настроении командира благоприятную волну, Самолюк провокационно кивнул в сторону железной кружки с прозрачной жидкостью. – ...За наших!

– Ты что ж, ДШБ?.. Думаешь, я откажусь?.. – ухмыльнулся Валерий. – ...В отличие от вас, раздолбаев, я вовсе не обременён караульным нарядом. Потому и запросто могу себе это позволить. Наливай, коль сам предложил!..

Уверен в том, что среди читателей обязательно найдутся те, кто заподозрит майора в заведении дешёвого солдатского авторитета. Дескать, решил Князев стать для рядового состава в доску своим. Мол, злоупотребив с подчинёнными и добившись сиюминутного и кратковре-

менного успеха, Валерий поступил крайне опрометчиво, поставив себя на одну с ними планку. Ну, а впоследствии, когда приказы командира перестанут восприниматься военнослужащими всерьёз, он ещё сотню раз пожалеет о данном необдуманном шаге. И в чем-то, вышеозначенные граждане, конечно же, будут правы. Правы, с позиции мирного времени и своего нынешнего повседневного опыта. Тогда как в условиях сопряжённых с экстремальными нагрузками, вырабатывается несколько иная философия.

К примеру, курсант лётного училища, совершив свой первый самостоятельный вылет, уже считается лётчиком. Отныне, этот курсант имеет полное право садиться за обеденный стол вместе с лётным составом училища, то есть, с офицерами. Нет, он вовсе не стал ровней своим командирам. Просто этот самый юноша, на своей собственной шкуре успел познать, как нелегко даётся тот лётный «хлеб». С таким взаимопониманием можно и в бой идти. Примерно в том же ключе и солдат прошедший чистилище войны, становится для старшего по званию, неким собратом по оружию. Он, уж точно не сачканёт; не бросится наутёк с первыми залпами, а так же не выстрелит тебе в спину. Именно он, прикроет и подставит своё плечо в тяжёлую минуту. А это, дорогого стоит.

– Выпью я, пожалуй, за то, чтобы здесь, на кавказской земле, вы оставили о себе добрую память! А ещё!.. Дай-то Бог, чтоб вы оставили после себя достойную смену!

– Командир, так и будет!.. – как-то не совсем уверенно, ответил Князеву Якушев. – ... За оставшееся время, мы как следует, молодых пацанов натаскаем!

Опустив уже пустую кружку, Валерий поднял со снега канистру.

– Спирт конфискую! Надеюсь, у нас ещё будет повод допить его в более приличной обстановке. И, естественно, во внеслужебное время.

Прапорщик Михайленко, только-только вернувшийся с предгорья, заслышав командирский бас, доносившийся с окраин охраняемой территории, жутко перепугался. Поначалу он собрался было затаиться, немного переждать. Однако вовремя сообразив, что лучшая оборона – это атака, напрямик отправился на дальний пост охраны.

– Так я и думал!.. – ещё издали увидев в руках майора знакомую металлическую ёмкость, зычно выкрикнул прапорщик. – ...Кто ж ещё, кроме Самолюка и его банды, мог стырить со склада десять литров спирта! Ведь не зря эти подлюки, весь день крутились у медицинского бокса!.. Вот, полюбуйтесь, товарищ майор, каковы наглецы! Совершив хищение государственной собственности, без какого-либо зазрения совести, тут же её и оприходовали. Как говорить, обтяпали своё дельце, не отходя от кассы. Вон, морды-то, какие красные, хоть прикуривай!.. Самолюк, на сей раз, ты уж точно допрыгнулся! Завтра же подам рапорт о ваших безобразиях!.. Сомневаюсь, чтоб Лютый вновь взялся вас прикрывать! Будет вам и дембель, и гражданка, и девки с водкой!.. Как я посмотрю, вы и сухарей уже успели насушить. Правильно. Пару лет дисбата, уж будьте уверенны, я вам, гавнюкам, обеспечу!..

В словах и интонациях прапорщика, Князев без труда уловил некую фальшь и чрезмерную наигранность.

– Отставить рапорт!.. – осёк он Михайленко. – ...Сами разберёмся, без посторонних! Ну, а флягу!.. Товарищ прапорщик, спиши её на хозяйды! Необходимые для того документы, я предоставлю. Вопросы есть?

– Помнится, товарищ майор, ваши взгляды относительно воровства были некогда более радикальными!.. – ухмыльнувшись, Михайленко недвусмысленно намекнул Валерию на годы, совместно проведённые в училище.

– Ошибаетесь, товарищ прапорщик! Взглядов своих я не меняю, тогда как обычную юношескую шалость, с откровенной подлостью я бы не советовал вам путать! Впредь, попросил бы вас повнимательней относиться к вверенным материальным ценностям! Коль факты хищения

со складов станут не единичны, я вынужден буду ходатайствовать перед командованием о расширении складского штата для усиления контроля!..

Солдаты, так ничего и не понявшие в данном разговоре старших по званию, стояли, открыв рты. Ныне им было чему удивляться. Потому как за многие месяцы, проведённые на объекте, они воочию могли созерцать первого офицера, сходу указавшему прапору на его законное второстепенное место.

Тишину горной местности вдруг нарушил звук выстрела. В сторону внезапного хлопка обернулись все военнослужащие. Там, над вершинами гор взмыла вверх осветительная ракета.

«Тоже мне, полевой командир!.. Гроза федералов, мать твою!.. – вспомнив о Даудове, усмехнулся про себя Михайленко. – ...Не иначе, как сам в трёх соснах заблудился!..»

Боевое крещение

Очевидно на уровне некоего подсознания, чувствуя за собой определённый долг перед командиром за ту злополучную ночь, о которой было рассказано ранее, «старослужащие» если и не помогали Князеву, то уж точно, в меру своих возможностей не препятствовали последнему укреплять на объекте военную дисциплину. И быть может, именно поэтому, подразделение охраны (многими забытое и, по сути, брошенное на произвол судьбы) подтянулось, став достаточно организованной и более сплочённой, а самое важное, управляемой и мобильной боевой единицей.

Своему слову следовал и Валерий. Без каких-либо скидок и послаблений, каждое утро командир проводил с подчинёнными занятия по серьёзной боевой подготовке. Причём, те же дембеля, на уровне первогодок, бегали и прыгали; стреляли; распознавали и обезвреживали «растяжки», замаскированные мины и взрывчатку; учились грамотно окапываться и выбирать правильную позицию; быстро ориентировались в лесной и горной местности; отрабатывали приёмы рукопашного боя. В общем, пусть и в несколько упрощённом варианте, военнослужащие проходили полный курс подготовки бойцов элитных спецподразделений. А сразу после обеда, слегка передохнув, они приступали к укреплению оборонительных рубежей подотчётной им территории.

Короче, скучать князевским бойцам вовсе не приходилось. Ведь день их был расписан не то, чтоб по часам – по минутам. При этом, невзирая на непривычные нагрузки, никаких жалоб, возмущений, либо фактов тихого саботажа со стороны военнослужащих отмечено не было. Более того, солдаты с нескрываемым интересом втягивались в новые, почти прифронтовые условия службы.

Несколько удивил Князева и ещё один, весьма примечательный момент. Лейтенант Побилат вдруг изъявил личное желание участвовать в утренних «разминках», хотя никто его к этому не обязывало. На равных с солдатами он потел до белых пятен на гимнастёрке и вместе с пацанами постигал то, чем в совершенстве владел сам майор. За считанные дни изменилось и отношение к молодому офицеру. Причём, не только со стороны Князева, который уже без опаски мог доверить Побилату подразделение во время своих нечастых отлучек в штаб, но и со стороны рядовых подчинённых. И если ранее солдаты воспринимали лейтенанта не иначе, как вынужденную необходимость, откровенно над ним посмеивались и в определённой степени презирали, то теперь в отношении Побилата появились некие проблески уважения. Его приказы исполнялись... Пусть и не так чётко, как князевские, но всё же исполнялись.

Хотел того майор или нет, но по образу и подобию он чисто интуитивно пытался создать из нынешнего караульного взвода нечто похожее на подразделение из своего, не такого уж и далёкого прошлого. Стоит отдать Валерию должное: отчасти он в этом преуспел. Армейская жизнь на объекте медленно (иногда, и со скрипом), но всё же вошла в нормальный, размеренный служебный ритм, без каких-либо встрясок и эксцессов. То ли солдаты так уставали, то ли Князев не оставлял им времени для каких-то «расслабонов» – но то, что за время командования майора, на складах не приключилось ни единого ЧП, являлось таким же неопровержимым фактом, как неизбежность наступления следующего дня.

Единственным, с кем Валерий до сих пор, так и не сумел найти, казалось бы, вполне естественного рабочего контакта, оставался Михайленко. То один из них, был чересчур занят; то у другого вдруг появлялись некие неотложные дела. Впрочем, если посмотреть правде в глаза, то это были, лишь официальные версии. В действительности – ни тот, ни другой – к этим «контактам» особо и не стремился. Прапорщик, затаив на Князева злобу ещё за тот ночной разнос, устроенный ему в присутствии пьяных солдат, старался лишний раз не покидать

складских помещений. В свою очередь и Валерий, руководствовался самой простой рекомендацией Лютого, не влезать во внутри складские дела и, по возможности, сторониться «завхоза». В общем, каждый из них занимался сугубо своим ремеслом, не мешая другому. Михайленко – складами; майор охраной этих самых складов.

Стабильность в Чечне, как собственно и в целом по кавказскому региону, явление довольно-таки редкое, исключительно перманентное и весьма зыбкое. Эту прописную истину Князев усвоил давно. Потому и спешил, потому и гонял он своих солдатиков до изнеможения. Не хотелось майору, чтоб застали его врасплох. И, тем не менее, казалось бы, только-только отлаженный ритм службы, всё ж таки был нарушен. По мнению майора, произошло это вовсе некстати; весьма неожиданно и чересчур рано. Потому как Валерий считал своих бойцов даже не слабо подготовленными, а откровенно «сырыми». Сырыми они были не столько в физическом или тактическом плане, сколько в психологическом. Валерий прекрасно знал, что в бою побеждает не тот, кто метко стреляет, быстро бежит или лучше вооружён, а тот, у кого более крепче нервы. Именно с этим качеством у князевских ребят и наблюдался наибольший дефицит. Ну, а чего вы хотели? Столь сложной наукой за пару недель овладеть весьма и весьма сложно.

Ранним дождливым утром Валерия разбудил дежурный. Звонили из штаба.

– Князев, хорош дрыхнуть, победу проспичь!.. – хрипел в трубке Лютый. – ...Поднимай своих бойцов! Дело, конечно, плёвое!.. Однако без вашей поддержки, думаю, нам не обойтись! Кратко излагаю суть предстоящих мероприятий. По оперативным данным: в небольшое селение, расположенное в пяти километрах от ваших складов, то ли вчера вечером, то ли нынешней ночью, вошла банда!.. Порядка тридцати боевиков!.. Кстати, брать их будут твои бывшие коллеги. Ну, а наша задача, как всегда менее героическая – быть на подхвате. То есть, блокировать то селение со всех сторон, дабы ни одна падла не смогла улизнуть в горы. Отправляю к тебе два своих взвода!.. Минут через двадцать они будут на складах. Подготовь с десяток своих пехотинцев. Старшим, будешь именно ты. Когда придёте на место, кто-то из спецназа тебя сориентирует более предметно. Ну!.. В общем, сам разберёшься. Удачи!..

По тревоге, подразделение было поднято «в ружьё». Эту команду Валерий отрабатывал едва ли не ежедневно. Теперь же учёба окончилась и началась серьёзная мужская работа.

– Бутаков, Самолюк, Литвиненко, Якушев, Рудяев, Пасюков, Цымбал и Архипов! Пять минут на сборы! – изложив боевую задачу, Валерий объявил фамилии её непосредственных исполнителей.

В подобных случаях выбор командира вовсе не прост. Ведь, по сути, он отправляет своих подчинённых далеко не на свадьбу или пирушку, а на рискованное задание, сопряжённое с возможной гибелью того или иного военнослужащего.

Почему, к примеру, была ныне названа фамилия Литвиненко, а ни кого-то иного? Вне всяких сомнений, на этого парня можно было положиться. Да, и опыта у Александра на десятерых хватит. Как-никак, а почти полтора года был Сашка в самом пекле войны. Но разве ж это повод для того, чтоб ещё и ещё раз подвергать его жизнь смертельной опасности именно сейчас, считай, за «пять минут» до возвращения парня в родной Кызыл, где Литвиненко давно ждут. Причём, ждут его именно живым. Разве не с лихвой он уже отдал свой «долг» перед Отечеством, имея за плечами три боевые награды?

Или почему Пасюков? Этот вовсе необстрелянный, деревенский пацан, менее года назад кое-как окончивший профтехучилище, по достаточно мирной специальности: слесарь. Согласитесь с тем, что не может быть более обидного, чем расстаться с жизнью в первом же бою, в самую золотую пору своей молодости. Да ещё, и не приведи Господь, от первой, случайно посланной шальной пули, так ни разу и самому не успев выстрелить в сторону противника. А ведь о таких случаях Князеву было известно предостаточно.

Именно так, в самом начале своей офицерской карьеры и метался Князев из крайности в крайность. По своей наивности, он пытался найти нечто среднее, между несовместимым. То есть, между чувством собственной ответственности за жизнь конкретного подчинённого и военной необходимостью; между эмоциями и трезвым расчётом. А после боя, подсчитывая потери, непременно «грыз» себя за то, что не доглядел, не просчитал, не уберёг, послав того или иного бойца на верную гибель. «Вешался», когда приходилось ставить в известность родственников о смерти одного из своих бойцов.

Однако прошли годы. С очередными званиями и назначениями приобретался и личный опыт, приумножавший мудрость. Сердце Князева несколько почерствело. К вышеизложенным пред- и пост- боевым терзаниям (дабы окончательно не свихнуться от самоедства и бесконечного самокопания) Валерий начал относиться несколько философски. Теперь, подбирая бойцов для выполнения той или иной боевой миссии, майор размышлял примерно так. «Кого не возьми, все они отличные ребята. Каждый из них по-своему мне дорог. У каждого есть мать, отец, семья. И уж если суждено кому-то из них расстаться с жизнью именно сегодня, то так, очевидно, тому и быть. От предначертанной судьбы, увы, не уйдёшь! Со своей стороны я сделал, и буду делать всё, от меня зависящее, чтоб потери наши оказались минимальны. Ну, а там!.. Уж как Бог рассудит, как ляжет карта судьбы! Неуязвимых людей не существует и все мы смертны!..»

А ещё, Валерий непременно держал в своём уме весьма занимательный монолог одного из своих случайных знакомых. То был бывший снайпер, прошедший обе чеченские компании, дважды переживший клиническую смерть и немного заглянувший за черту, отделявшую жизнь от «иного бытия». В одном из летних кафе, за рюмочкой водки тот самый экс-снайпер сумел так утешить Князева, тяжело переживавшего на ту минуту гибель близкого ему друга, совсем неожиданно и до банальности просто.

«Вот ты говоришь: будто бы, не повезло твоему товарищу?.. – спрашивал тогда, подвыпивший и чересчур болтливый собеседник. – ...А откуда тебе, мил человек, знать: кому из вас повезло или не повезло? Ему или тебе? Ведь человеческая раса самая низшая особь в бесконечном времени и бескрайнем пространстве. И уж если наша планета зауряднейшая пылинка в бесконечной Вселенной, что же может для неё значить наша возня или чья-то гибель? То есть, смерть ничтожнейшего микроорганизма.

Мир, окружающий нашу Землю настолько многообразен и многопланов, насколько не развита даже наша фантазия. О наших знаниях или науке я и вовсе помалкиваю. Однако каждая человеческая жизнь, длящаяся для Вселенной не дольше миллиардной доли её самого минимального мгновения, даётся нам (то есть, людям) вовсе не просто так. Это лишь первый или подготовительный этап для вхождения в более развитое сообщество, где время и пространство (как основа всей нашей нынешней жизни) уже не имеют никаких значений. Потому, как вечность беспредельна. Она не подвластна ни описанию, ни измерению. Родившись и умерев, по сути, мы только вытерли обувь, прежде чем войти в тот новый чистый дом, в котором будем жить очень и очень долго!

Потому и прежде чем оплакивать своего погибшего сослуживца, подумай: быть может, тебе стоит ему позавидовать. Ведь он уже отмучился в нашем грязном мире, выполнив свою исключительную миссию, и перешёл туда, где нет боли, унижений, раскаяния и стыда. Офицер, возьми себя в руки и начни мыслить глобально. Смерть – это вовсе не тупик, а дверь в бесконечность!..»

Конечно, выглядело то скомканное полупьяное пояснение, не более чем очередная сказка о загробной жизни. Но как, чёрт побери, она выглядела убедительно и как приятна была князевскому слуху. Потому и врезались те слова, так хорошо и надолго в майорскую память.

Сказка, ни сказка, а сегодняшний выбор Князева был продиктован реальностью и здравым смыслом. И пал тот выбор на самых искушённых в ратном деле «старичков», и совсем ещё

незрелых, хоть и наиболее подготовленных Валерием солдатиков. Ведь этим пацанам сейчас, как воздух, требовалась первая военная закалка. Очень скоро они останутся единственными, на кого и сможет рассчитывать их командир.

По разумению майора предстоящая операция выглядела не самой сложной, из иных боевых задач. Обеспечивать боевое прикрытие, гораздо проще, чем идти в атаку или удерживать занятые позиции. Здесь, как нигде более, и следовало «обкатывать» неокрепшую «зелень». Ну, а дембеля... Они должны будут стать для первогодок наглядным примером пословицы о том, что не боги горшки обжигают.

Исходную позицию заняли около шести утра. Южный сектор, доставшийся князевским гвардейцам, был не хуже и не лучше восточного или западного. Позади горная гряда. Спереди, в самой низине, буквально в каких-то трёхстах метрах (то есть, как на ладони) располагалось полуразрушенное селение. Местность, в буквальном смысле, была усеяна глубокими воронками. Видимо, не однажды в данном ауле укрывались бандиты – иначе, зачем было подвергать его столь частым и интенсивным артиллерийским обстрелам и авиааналётам. Бандиты могли укрыться в пяти-шести домах, тех самых, что выглядели менее повреждёнными. От других же строений, в лучшем случае остались лишь обгоревшие, искорёженные стены.

Слева и справа окопались подразделения соседей-пехотинцев.

– Мужики, я тут случайно узнал, будто бы, среди боевиков должна быть шахидка!.. – скорее для поддержания боевого духа, нежели всерьёз, полушёпотом заговорил Самолюк. – ... Попадёт кому-то в прицел, не стреляйте! Оставьте её мне!

– Ты ещё не уговорился? – покачал головой Князев.

– Командир, я лишь хотел наглядно продемонстрировать пацанам, в какую часть тела следует стрелять этих долбаным «чёрным вдовам»!

– И куда же? – поинтересовался Валерий, заранее зная ответ.

– Куда и они нашим парням метят!

– Так ведь, в отличие от нас, мужиков, у них там вовсе ничего не болтается! – усмехнулся майор.

И тут внимание Князева вдруг привлёк Цымбал. Он никоим образом не реагировал на солдатский юмор. Похоже, от волнения его даже слегка потряхивало. Но особенно Валерию не понравилось выражение какой-то бессмысленности и безысходности, легко читаемое на лице худощавого и помрачневшего паренька. Возможно, ещё в машине настроение бойцу испортил его земляк Бутаков, как-то между делом вдруг ляпнувший: «Вот тебе, Андрюха, и настоящая война, о которой ты так мечтал! Сейчас ты во всей красе увидишь живых боевиков!.. Заодно и узнаешь, как пуля, попавшая в голову, выносит через затылок передние зубы!..» А быть может, и не причём была та, случайно брошенная реплика.

Князев уж было собрался произнести пламенную речь о самообладании, о необходимости взять себя в руки, чтоб каждый из бойцов мог поверить в себя, поверить в успех предстоящей операции. Да, вовремя осёкся. Быстро сообразил, что дело он сейчас имеет вовсе не с офицерами из его бывшего элитного подразделения, способными самостоятельно, без чьей-либо поддержки настроить себя на самую рискованную авантюру. Это были обычные солдаты, девятнадцатилетние юноши, одетые в военную форму.

«Тут словами и лозунгами не поможешь! Как вообще возможно, по какому-то приказу поверить в себя, когда совсем в это не вериться?... Когда всё впервые, когда всё вновь. Когда пугает не враг, не боевик, засевший в низине, а прежде всего неизвестность. Своим же призывом я, пожалуй, могу поставить под сомнение боевые качества первогодок. Ведь тот же Цымбал вовсе не кадровый военный и может легко, на каком-то подсознательном уровне, спутать неверие в свои силы, с полным отсутствием у него, так необходимого нынче мужества!..»

Как не парадоксально это может сейчас прозвучать, но майору неоднократно приходилось быть свидетелем того, как наибольшее бесстрашие проявляют именно те, кто идёт в бой, не веря в победу. Таким бойцам, как говорить: нечего терять. Однако Князев понимал и то, что боец перестаёт быть воином, когда начинает замыкаться, непременно к себе прислушивается, занимаясь неким самоанализом. Когда вместо противника, он всё время видит себя, со всеми своими недостатками, которыми его наделила природа и самое печальное, его же собственное обострённое воображение. А, как известно: солдат, заикленный на своих уязвимых местах, заранее проигрывает бой, даже не успев в него вступить. Валерий давно заметил и ещё одну не маловажную тенденцию. Чем умней и эрудированней боец, тем больше он накручивает себя перед сражением. Вот почему отработка автоматизма, а в чем-то и бездумное исполнение каких-либо приёмов ведения боя, непременно ставились майором во главу угла. Солдат не должен размышлять, как поступить ему в той или иной ситуации. Он должен сразу действовать, практически не задумываясь. Ну, а сейчас командиру просто следовало вывести молодых бойцов из вполне естественного для данной ситуации ступора. Разговорить, чем-то расшевелить, а уж после, вести речь о некоем мало осязаемом для них самообладании.

– Ребята, слушай сюда!.. – Князев переместился поближе к «новобранцам». – ...Пожалуй, пришло время открыть вам один маленький секрет. О нём, безусловно, знает любой ветеран!..

Пасюков, Архипов и Цымбал с открытыми ртами уставились на майора в ожидании услышать от командира некую тайну великих побед.

– ...В общем так, ребята, если «чехи»!.. – продолжил Князев. – ...Не дай-то Бог, рванут в нашу сторону, вам не стоит сидеть, развесив уши. Стреляйте!.. Открывайте огонь, особо не целясь!.. Чем больше грохота, тем лучше для нас и хуже для врага. Главное, посеять в душах бандитов настоящую панику. Зарубите себе на носу, боевики и без того будут перепуганы внезапностью нападения, а значит психологически уже надломлены!

А теперь, внимание! Тот самый секрет, о котором я, собственно, и обещал вам поведать. Запомните, что под избыточной агрессией чеченских бандитов почти всегда скрываются их страх и неуверенность. Не обращайте внимания на их звериные рыки. Это вовсе не демонстрация силы, а в определённой степени, конвульсии безнадёги. Поверьте мне на слово: страха и отупения в головах «чехов» будет выше крыши.

Сомневаетесь? Тогда поинтересуйтесь у своих более опытных сослуживцев. У того же Рудяева или Литвиненко... Спросите у них: с каким диким взглядом и нечеловеческим ором ходили они в атаку в начале своей службы?.. – усмехнувшись, дембеля утвердительно кивнули, после чего, майор продолжил. – ...В общем, так, бойцы!.. Приказываю каждому из вас, без какого-либо героизма, тупо отстрелять не менее двух «рожков». Справитесь – считайте свою боевую задачу, на сегодняшний день выполненной!..

Казалось, Валерий обращался ко всем первогодкам, однако увидев в глазах именно Цымбала искорки новой жизни, он понял, что слова его нашли-таки нужного адресата.

– Товарищ майор, кажется, началось!.. – тихо проговорил Бутаков, до сего момента наблюдавший за внешней обстановкой.

Приподнявшись, Князев осмотрелся. И уже сам заметил, как от противоположной северной стороны аула, мелкими перебежками к селению приближаются бойцы российского спецназа.

– Быстро рассредоточится! – приказал он.

Для себя ж с некоторой ностальгией, Валерий успел подметить: «Сдаётся мне, что с боевым крещением наши ребята сегодня обломаются!»

Потому как майор вовсе не понаслышке знал об уровне профессионализма офицеров штурмового взвода. Вот почему Валерий был абсолютно уверен в том, что засевших в домах

боевиков – они и сами, без чьей-либо поддержки, положат мордой в землю, практически не напрягаясь. И, тем не менее, Князев ошибся...

Бойцы спецподразделения только-только приблизились к окраинам селения. Они толком не успели пересечь открытую для обстрела зону, как из окон практически всех уцелевших хибар на них обрушился шквал прицельных автоматных очередей. В ту же секунду основная группа бандитов, достаточно организованно ринулась в обратную от линии огня сторону. Внезапность штурма, на которую собственно и рассчитывали федералы, вовсе не оправдалась. Атака захлебнулась, так толком и не начавшись. Не оставалось и доли сомнений в том, что экстремисты знали о предстоящей операции. Более того, они заранее были к ней готовы. При этом чеченцы, лишь определялись с направлением основного удара.

«Интересно, догадывается ли та тварь, которая за бесценнок «сливает» врагу секретную информацию, как гибнут сейчас её соотечественники?.. – мелькнуло в голове Валерия. – ... Эх, с каким же наслаждением я выставил бы сейчас перед «чехами» ту сволоту, оповестившую террористов о предстоящем штурме!...»

Меж тем, действие вокруг злополучного аула развивалось достаточно стремительно. Ситуация усугублялась с каждым новым мгновением. Небритые горцы, без малейшего намёка на обещанный майором страх или сомнение, уже во всю свою прыть неслись на юг. Туда, где оцепление держали лишь восемь бойцов взвода складской охраны, трое из которых и вовсе не нюхали пороха.

– Огонь! – взревел Валерий.

«Разряжая» один «рожок» за другим, своим боковым зрением майор ещё и успевал отслеживать ситуацию на подведомственном ему оборонительном рубеже. Он заметил, как с первым грохотом боя всё тот же Цымбал, обхватив голову руками и сжавшись в комок, скатился в земляное углубление.

– Слабак, твою мать!.. – сплюнув, ругнулся про себя Князев.

А впрочем, растерялся нынче не только Цымбал. Похоже, «поплыли» и остальные необстрелянные бойцы. Рудяев лишь чудом успел ухватить за ногу Пасюкова, который уж было, собрался рвануть прочь, подальше от поля боя.

«Куда?.. Стой, придурок!.. Ведь ты сам под пулю подставляешься!...» – прижав к земле первогоodka, Рудяев пару раз тряхнул его за ворот, дабы тот, хоть чуть-чуть пришёл в себя.

Благо, не подвели «дембеля». Каждый из них с остервенением окучивал, приближавшихся к их позициям головорезов. И, тем не менее, перевес сил (невзирая на яростность обороны) был сейчас на стороне врага. Более того, почуяв своё численное превосходство, боевики заметно активизировались. Рассчитывая на то, что кто-то из них обязательно проскочит, бандиты постарались максимально растянуться вдоль князевской обороны. И неизвестно, чем бы закончилось то чеченское «восхождение» если бы (пусть и с лёгким запозданием, но всё же весьма кстати), не очухались «соседи», организовавшие нечто похожее на атаку с флангов. Своим перекрёстным огнём, на какое-то время им удалось-таки поостудить раж чехов, прижав их к камням.

Повторюсь: лишь на какое-то, очень короткое время. Потому как, быстро осознав реальную угрозу быть полностью зажатыми в огневое кольцо, пренебрегая каким-либо инстинктом самосохранения, экстремисты предприняли свой последний и отчаянный рывок на князевские позиции. Одним решительным ударом они попытались прорвать окружение. Причём, в самом (как им, очевидно, тогда казалось) непрочном и должно быть уже частично ослабленном боем месте.

Поначалу расчёты чеченцев на стремительный блиц-крик, как будто бы, начали оправдываться. Не заставил себя ждать и тот самый момент, когда наиболее рьяные бандюки поравнялись с передовыми рубежами оцепления. Накал сражения достиг своего апогея. Боевики

могли уже реально видеть пути к своему спасению. Причём, каждый из них был абсолютно уверен в том, что именно ему удастся вырваться к предгорью, чтоб уже там скрыться в густой лесополосе. Потому и была эта неуправляемая толпа более целеустремлённой и более непредсказуемой нежели какое-либо организованное вражеское подразделение.

– Хватай автомат, мать твою!.. – взревел Князев и что было силы, пнул скрючившегося на земле Цымбала. Уж что-что, а любой дополнительно стреляющий ствол, был нынче на вес золота.

Как не странно, но обезумевший и выключившийся из боя солдатик, вдруг приподнялся. Он сгрёб брошенный ранее АКМ и выпустил очередь, казалось бы, в абы куда... И, тем не менее, к величайшему удивлению майора, та шальная и безотчётная очередь нашла-таки свою «цель». Боец-первогодок почти в упор, взял, да и завалил сдуру, неизвестно откуда возникшего прямо перед ним крепкого боевика.

– Так держать, Андрюха! – подбодрил солдатика Князев.

Внезапный успех, да ещё и похвала командира, могут воодушевить даже самого безнадёжного неудачника. Потому и появилась в движениях Цымбала некая осмысленность и твёрдость. Ну, а взгляд его был в данную минуту уже переполнен оптимизмом. В общем, тот самый пехотинец, который пару мгновений назад, казался абсолютно аморфным, на сей раз, как ни в чем, ни бывало, плавно «влился» в всю бушующее море сражения. Будто бы данная стихия всегда была его родной средой обитания.

Валерий с удовлетворением отметил и тот факт, что в бой «вклинились» и остальные «новобранцы». А куда, собственно, им было деваться? И дело тут было даже не в том, что если не будешь стрелять ты, то будут стрелять в тебя. Скорее всего, подсознательно, никто из «молодых» вовсе не желал быть впоследствии, объектом всеобщих насмешек и подколов. Потому как рядом с ними, в кровь «рубились» сейчас острые на язык старшие товарищи. И уж будьте уверены: дембеля ни в коем случае не упустили бы момента, дабы не поведать сослуживцам, оставшимся на складах о (скажем так) не самых адекватных реакциях «юных пехотинцев» в самые напряжённые минуты смертельной сечи. А этот публичный позор, прошу поверить автору на слово, мог быть гораздо страшней чеченской пули.

Впрочем, в поведении салаг всё ещё сквозили нотки прежней нерешительности и явного чувства неукротимой дрожи. Как ни крути, а убить себе подобного на практике оказывается не так-то и просто. Ведь далеко не каждый способен нажать на курок, целясь в живого человека. Особенно в том случае, когда делаешь это впервые.

Прежде чем попасть в армию, любой из нынешних «новобранцев» безусловно, видел, как крутые герои многочисленных экшенов и блокбастеров «мочат» своих врагов направо и налево. При этом каждый из молодых людей, наверняка, мысленно представлял себя на месте тех самых культовых Шварценеггеров и Брюсов Уиллисов. И, по большому счёту, любой из них был абсолютно уверен в том, что и он запросто так сумеет. Дело-то нехитрое, заряжай и «поливай». Однако реально отправить на тот свет человека (пусть, и самого заклятого врага), по каким-то внутренним, подсознательным или интуитивным барьерам чрезвычайно сложно. А подчас и вовсе невыполнимо. Потому и боролись сейчас парни вовсе не с боевиками, а сами с собой, переламывали свою мирную психику, снимая незримые внутренние запреты, присутствие которых и отделяет человека разумного, от зверя-хищника.

Не ускользнуло от внимания командира и то неприятное обстоятельство, что на левом фланге, где оборону держали лишь двое: Литвиненко с Бутаковым, положение было близко к критическому. Боевиков там отчего-то скопилось слишком уж много. К тому же действовали они наиболее агрессивно. Потому и поспешил Валерий переместиться поближе к неожиданно возникшему «пожару». Вот только предпринял он тот манёвр, как выяснится позже, с некоторым опозданием.

В самый неподходящий момент, у Литвиненко вдруг «переклинил» автомат. Пытаясь вернуться в бой, он безуспешно передёргивал затворную раму. По сути, Сашка оставался безоружным на открытом для боевиков пространстве. Бандитов, готовых форсировать князевский плацдарм неожиданно отвлёк на себя Бутаков. Бесперывно осыпая противника свинцом автоматной очереди, Славка вдруг встал на ноги.

– Не смей!.. – Князев, спешивший на выручку, попытался остановить Бутакова.

Однако было уже слишком поздно. Прикрывая собой товарища, безуспешно боровшегося с затворным механизмом, он-то и принял на себя основной огонь чеченского штурма. Славкино тело, изрешечённое пулями, как подкошенное рухнуло на землю...

Финальную точку в противостоянии «федералов» с чеченским бандформированием, поставили именно те, кто и должен был это сделать. Заглушив огневые позиции противника, засевшего в ауле, подразделение спецназа вышло в тыл оставшимся боевикам. Скоротечное сражение, длившееся не более пяти минут, завершилось так же внезапно, как и началось.

«Зачистку» закончили быстро. Пленных отконвоировали в заранее подготовленный транспорт. После чего, пришло время собирать тяжёлые и непосильные «камни».

Пока занимались телами погибших, Валерий поднялся на пригорок. Закурил. Хотя на короткое время, но майору требовалось побыть сейчас в одиночестве. Отвык он, знаете ли, от войны. Как и два года назад, на душе Князева нынче скребли кошки. Не по себе ему было. Совсем уж паскудно и погано всё вышло.

– А я смотрю, вроде как, фигура знакомая!.. Валерий Палыч, ты ли?.. – со спины к майору приблизился командир спецподразделения. Его голос был Князеву достаточно знаком.

– Здорово, Муханов!.. – не оборачиваясь, ухмыльнулся майор. – ...Ты отчего такой радостный? Лично я, повода для веселья вовсе не вижу!

– Вот, тебя увидел – и настроение сразу улучшилось!

– Злорадствуешь? Надо полагать, приятно тебе видеть своего бывшего командира среди пехоты!.. – Князев, наконец-то, развернулся к собеседнику. – ...А у тебя, Муха, как я посмотрю, всё на мази!.. За какие-то пару лет, успел скакнуть из «старлеев», сразу в майоры!.. У меня на данное восхождение, ушло куда больше времени!

– Так ведь война, Палыч! Кто погиб!.. Кто-то на «гражданку» сквозанул!.. Вот и подтянули моё звание к занимаемой должности!.. – неуверенно, словно извиняясь, ответил Муханов.

– Муха, ты сам-то себе веришь? Уж говорил бы прямо: не «подтянули», а за уши до командирской должности кое-как доволокли! При этом, пришлось разогнать половину подразделения, дабы расчистить тебе, любимому, дорогу!.. – язвительно подметил Князев, намекая на прямые родственные связи Муханова в Главном Управлении. – ...В Чечне оно, конечно, проще!.. Ещё пару-тройку лет и до генеральских погон дослужишься. А там!.. Там и тёплое место в Москве, и дом на Рублёвке, бесплатная «кормушка» и обеспеченная старость!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.